

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. Ю. Почекаев

.....

ГУБЕРНАТОРЫ И ХАНЫ

Личностный фактор
правовой политики Российской империи
в Центральной Азии

XVIII — начало XX в.

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2017

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П65

Монография подготовлена в рамках научного исследования (проект № 14-01-0010), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2015 гг.

Рецензент — доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории России
Оренбургского государственного педагогического университета
С.В. Любичанковский

П65 Почекаев, Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. [Текст] / Р. Ю. Почекаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 384 с. — 300 экз. — ISBN 978-5-7598-1390-3 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1620-1 (e-book).

Книга представляет собой исследование влияния личностного фактора на правовую политику Российской империи в Центральной Азии в XVIII — начале XX в. Руководители российской имперской региональной администрации и представители национальной элиты Казахстана и Средней Азии нередко играли ключевую роль в политико-правовом развитии региона, их личные симпатии и антипатии, степень близости к императорскому двору могли определять политику целого ряда регионов Российской империи и соседних государств. Также от личности того или иного представителя имперской администрации или национальной элиты зависело, насколько региональная политика соответствовала (или не соответствовала) общеимперской политико-правовой идеологии в отношении определенного региона. В контексте общей политико-правовой ситуации в Казахстане и Средней Азии рассматривается влияние на имперскую правовую политику в Центральной Азии таких видных российских государственных деятелей, как В.Н. Татищев, И.И. Неплюев, О.А. Игельстром, М.М. Сперанский, В.А. Перовский, К.П. фон Кауфман, А.Н. Куропаткин и др., а также казахских правителей — Абулхайра, Нурали, Арингази, батыра Срыма Датова, Кенесары, среднеазиатских монархов — хивинских ханов Алла-Кули и Мухамад-Рахима II, бухарского эмира Музаффара, кокандского хана Худояра, кашгарского эмира Якуб-бека и др.

Книга предназначена для историков отечественного государства и права, историков и востоковедов, специалистов по политологии и политической антропологии, а также для студентов, обучающихся этим специальностям.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-7598-1390-3 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-1620-1 (e-book)

© Почекаев Р.Ю., 2017
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
----------------	---

Глава I

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И КАЗАХСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1730–1750-е годы).....	23
--	----

- § 1. «Издали просятся между нами добрые и худые слова,
то просим во всем не гневаться»:
первые начальники Оренбургского края
И.К. Кирилов и В.Н. Татищев
и хан Младшего жуза Абулхайр
- § 2. «...Чтобы нам двоим быть в одном согласии»:
первый оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев,
хан Абулхайр и султан Борак.....
- § 3. «Формально объявленного хана почитать
и ему надлежащее послушание отдавать»:
генерал-губернатор И.И. Неплюев
и ханы Младшего жуза Нурали и Батыр.....

Глава II

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИМПЕРСКИХ РЕФОРМ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ (1780–1790-е годы)	83
--	----

- § 1. «Вашим упреком, с которым вы пишете,
я крайне удручен»:
симбирский и уфимский наместник О.А. Игельстром
и ханы Младшего жуза Нурали и Каип
- § 2. «Ныне реченой Сырым зделался нам Емелькою»:
О.А. Игельстром и батыр Срым Датов

Глава III

КАЗАХСТАН В ЭПОХУ

КОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

(1810–1840-е годы) 126

- § 1. «Политическая сторона сего края, местное управление и род дел на меня возложенных, превышают почти все мое терпение»: сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский и правители Среднего жуза 135
- § 2. «Поведение же султана Шир-Газы со времени приезда ген. Эссена в Оренбург я нахожу безупречным, и жалобы, на него поступающие, безосновательными»: оренбургский военный губернатор П.К. Эссен и ханы Младшего жуза Ширгази и Арингази 154
- § 3. «Приемлю честь убедительнейше просить Ваше превосходительство принять зависящие от Вас меры к отклонению очевидного беспорядка, проистекающего от упорства Кенисары»: оренбургский военный губернатор В.А. Перовский, хан Кенесары и западносибирский генерал-губернатор П.Д. Горчаков 168

Глава IV

БУКЕЕЕВСКОЕ ХАНСТВО

КАК «ПОЛЕ»

ДЛЯ ИМПЕРСКИХ РЕФОРМАТОРСКИХ

ЭКСПЕРИМЕНТОВ 176

- § 1. «Рекомендую Вам, степенный султан, охранять таковые благонамеренные расположения...»: П.К. Эссен, султан Шигаи и хан Джангир 186
- § 2. «Правительство не только ничего не выиграло, а много потеряло от Джангерова управления»: В.А. Перовский и хан Джангир 195

Глава V**ОТ ДИПЛОМАТИИ К ВОЙНЕ И ОБРАТНО:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
С ХАНСТВАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

ДО СЕРЕДИНЫ XIX В. 203

- § 1. «Теперь остается принять меры
к предупреждению, по возможности,
на будущее время возобновления несогласий»:
В.А. Перовский и хивинский хан Алла-Кули 210
- § 2. «И где то, что Иликей-хан не враг?»:
В.А. Перовский, султан Иликей Касимов
и правители Хивы и Коканда 222
- § 3. «Чтобы более найти преданности
в этих киргизах и иметь в них
всегда верных шпионов,
нужно обещать им подарки и деньги»:
планы западносибирского генерал-губернатора
Г.Х. Гасфорта в отношении Коканда
и Восточного Туркестана..... 228
- § 4. «Генерал-адъютанту Катенину хотелось доказать,
что надо предоставить ему одному,
как начальнику края, самостоятельно
распоряжаться в Средней Азии»:
оренбургский и самарский генерал-губернатор
А.А. Катенин и правители Бухары, Хивы и Коканда 251

Глава VI**«ЗАВОЕВАНИЕ И УСТРОЕНИЕ» СРЕДНЕЙ АЗИИ:**

ЭПОХА КАУФМАНА..... 272

- § 1. «Нет еще полного убеждения,
что сей последний, воцарившись,
будет действительно к нам враждебен»:
туркестанский генерал-губернатор
К.П. фон Кауфман, бухарский эмир Музаффар
и его сын Абд ад-Малик 282

§ 2. «Удовольствие видеть Ярым-падишаха так велико, что я не мог бы желать какой-нибудь перемены»: К.П. фон Кауфман и хивинский хан Мухаммад-Рахим II	289
§ 3. «Если вы не перемените образа вашего управления., то я вам предсказываю дурной конец»: К.П. фон Кауфман и кокандские ханы Худояр и Насреддин	295
§ 4. «Без особой нужды или крайности я полагаю неудобным предпринимать решительные действия против Кульджи»: К.П. фон Кауфман, кашгарский эмир Якуб-бек и присоединение к России Илийского края	300

Глава VII

РОССИЯ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАНСТВА В ПЕРИОД ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ	309
--	------------

§ 1. «Бухару и Хиву надо сохранить как автономные области»: туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, бухарский эмир Алим-хан и хивинский хан Исфендиар	313
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	334
-------------------------	------------

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	341
-------------------------------------	------------

Министерство военное бывало иногда в довольно щекотливом положении: нужно было, с одной стороны, добросовестно подчиняться требованиям и видам Министерства иностранных дел, тогда как, с другой стороны, невозможно было не признать основательности военных соображений и действий местных начальников.

Д.А. Милютин

Нет никакого сомнения, что компетентность в суждении, что необходимо краю и что не нужно, должна принадлежать местной власти, которая затем и учреждена там.

К.П. фон Кауфман

ВВЕДЕНИЕ

С древнейших времен и практически во все периоды своей многовековой истории российское государство характеризовалось обширностью территориальных владений. И чем больше они увеличивались, тем более очевидной становилась проблема контроля центральными властями отдаленных регионов, особенно пограничных, да еще и населенных преимущественно народами, отличающимися от жителей центральных русских областей.

Решением этой проблемы могло стать (и чаще всего становилось) назначение правителями этих регионов тех государственных деятелей, которые уже успели зарекомендовать себя как явные и ревностные сторонники политики центральных властей (и, в частности, как доверенные лица российских императоров). Соответственно, центральные власти могли быть уверены, что назначенные ими правители, которые в разные времена именовались наместниками, губернаторами, генерал-губернаторами и т.д., будут проводить ту политическую и правовую линию, которая задумывалась в имперском центре.

Однако проблема заключалась в том, что такой линии у центра нередко вообще не существовало! Как правило, это касалось регионов, которые фактически «случайно» оказывались в составе России и под российским влиянием, в частности, центрально-азиатских владений России. Установление имперской власти сначала в Казахстане (в 1730-е годы), а затем и в ряде регионов Средней Азии (1860–1870-е годы), по сути, являлось не логическим продолжением некой имперской геополитической стратегии, а своеобразным «ответом» на «вызовы», которые бросали Российской империи ее соседи и противники. В итоге складывалась довольно парадоксальная ситуация: установив власть на обширных территориях, имперские власти не слишком хорошо представляли, как именно ими управлять. И руководители региональной администрации, назначаемые центральными властями (или даже лично императорами) и готовые реализовывать их политику сталкивались с проблемой отсутствия таковой.

В результате руководителям региональной администрации приходилось на месте анализировать обстановку, собирать (нередко буквально по крупицам) сведения о политической ситуации, правителях, праве и культуре народов, только что вошедших в состав Российской

империи, и вырабатывать соответствующие принципы и нормы построения правоотношений с ними. Но далеко не все губернаторы были готовы к подобной деятельности. Одни приезжали на «национальную окраину» с собственными представлениями о том, как надо налаживать руководство новыми российскими подданными, как интегрировать их в имперское политико-правовое, экономическое и культурное пространство. При этом их позиция нередко находилась в полном несоответствии с тем, что диктовали местные условия и национальные традиции, и все попытки преобразований, проводимые такими губернаторами, встречали явно негативную, а иногда и откровенно враждебную реакцию. Другие губернаторы, будучи способными объективно оценивать ситуацию в регионе, старались в первую очередь демонстрировать полную приверженность политике, декларируемой российскими монархами, даже если понимали, что она не отвечает местным реалиям.

Только длительным путем проб и ошибок Российской империи удалось сформировать более-менее последовательную политику в Казахстане и Средней Азии, и не последнюю (а в ряде случаев даже основную) роль в этом процессе играли именно руководители региональной администрации — губернаторы и генерал-губернаторы, в ведении которых находились, соответственно, казахские и среднеазиатские территории Российской империи. Некоторые из этих руководителей (В.А. Перовский, К.П. фон Кауфман) сами активно участвовали в разработке правительственной политики в отношении «национальных окраин» империи, не желая довольствоваться ролью простых исполнителей приказов центральных властей и нередко вступая в конфликты с ними. Другие губернаторы (О.А. Игельстром, М.М. Сперанский и др.), внешне следуя политике центральных властей, старались внушить им (и даже самим императорам) свои идеи, которые затем сами же и выполняли уже в качестве директив из Санкт-Петербурга. Некоторые же главы региональных администраций (такие, как П.К. Эссен, Г.Х. Гасфорт, А.А. Катенин), не разрабатывая масштабных проектов и не вступая в противодействие с центральными властями Российской империи, как бы «исподволь» реализовывали именно ту политику, которая признавалась впоследствии наиболее правильной для России в Центральной Азии. Как бы то ни было, в предложениях и действиях таких губернаторов значительное отражение нашли их знания или представления о регионе, которым они управляли, особенности взаимоотношений с национальными элитами, а также, не в последнюю очередь, и их личные

качества, общие политические и ценностные ориентиры. Не будем забывать, что большинство губернаторов российских регионов имели европейское образование, мыслили в европоцентристских категориях и однозначно связывали цивилизованность с европейскими традициями и обычаями. Последние они, в той или иной степени, старались распространить и на население «национальных окраин» Российской империи. Не все из них понимали, что в рамках этого процесса было неизбежно столкновение с традициями совершенно другой, восточной (прежде всего мусульманской) цивилизации, которая имела не менее древние корни, не менее развитые институты в политической, правовой, экономической, культурной сферах. Те из губернаторов, кто были готовы рассматривать особенности государственного управления, правового регулирования, экономических отношений народов Казахстана и Средней Азии в таком контексте, понимали, что необходимо взаимодействовать с ними достаточно постепенно, другие же, выступая «воинствующими цивилизаторами», лишь ухудшали и без того непростые отношения с населением «национальных окраин».

Наряду с губернаторами, т.е. представителями имперской власти, не меньшее значение имели и представители местных правящих династий — казахские ханы и султаны, ханы и эмиры Бухары, Хивы, Коканда и т.д. В течение долгих лет и даже веков их династии управляли местными народами, однако в XVIII—XIX вв. ситуация начала меняться коренным образом, и о полноте власти местным династиям приходилось забывать. Естественно, далеко не все из них были рады уступать свои властные прерогативы главам имперской администрации — даже и под угрозой применения военных мер. Однако и среди национальных правящих династий находилось немало лиц, готовых конструктивно сотрудничать с российскими властями и даже, более того, с их помощью укреплять собственное положение внутри своих государств.

Позиция некоторых правителей Казахстана и ханств Средней Азии была довольно противоречивой, двойственной, поскольку, с одной стороны, им приходилось поддерживать официальную политику российских властей в регионе (ведь от воли губернаторов нередко зависел сам факт пребывания того или иного хана на престоле), с другой — было необходимо демонстрировать защиту интересов собственных подданных, их традиций, ценностей. В результате даже те центрально-азиатские правители, которые получили российское образование, ценили достижения российской (в смысле — евро-

пейской) цивилизации и культуры, были тесно инкорпорированы в сановную иерархию Российской империи (например, хан ряда родоплеменных подразделений казахского Младшего жуза Ширгази, хан Внутренней Орды Джангир, последний эмир Бухары Алим-хан), придя к власти, проводили сугубо консервативную политику, сохраняя средневековые государственные и правовые институты, отстаивая приоритет ислама и т.д.

Руководителям имперской администрации в Казахстане и Средней Азии и местным правителям неизбежно приходилось взаимодействовать — лично или через представителей. В результате между ними складывались не только чисто формальные, но и личные отношения, которые, в свою очередь, могли влиять на разработку и реализацию имперской политики в том или ином регионе. В некоторых случаях губернаторы могли поддерживать претензии на престол того или иного кандидата, поскольку видели в нем своего верного союзника и, соответственно, считали лояльным имперским интересам, хотя нередко их протезе отнюдь не являлись таковыми, что доказывали и закулисными интригами, и даже открытыми вооруженными восстаниями против имперских властей. В других случаях, напротив, личные антипатии могли способствовать напряженности и снижать конструктивность взаимоотношений губернаторов с ханами, даже если последние искренне поддерживали имперскую политику и старались сами ее реализовать в своих владениях.

Таким образом, настоящая книга представляет собой исследование деятельности конкретных губернаторов и ханов центрально-азиатских государств, с учетом их личных взаимоотношений в контексте российской имперской правовой политики в Казахстане и Средней Азии. Целью исследования является изучение роли и влияния конкретных политических и административных деятелей (губернаторов пограничных российских регионов и взаимодействующих с ними представителей национальных элит) на правовое развитие национальных окраин России в имперский период (на примере Казахстана в составе Российской империи и среднеазиатских ханств под российским протекторатом). Также автор предпринимает попытку несколько уйти от представления исторических деятелей как неких абстрактных фигур, являвшихся лишь орудием государственной политики, и представить их как живых людей, обладающих индивидуальными особенностями, способностями и недостатками, которые в немалой степени повлияли на их собственную деятельность, а следовательно, и на российскую имперскую политику в Центральной Азии.

Соответственно, для достижения поставленной цели автор ставит перед собой ряд задач. Первой из них является анализ уже проделанной специалистами ранее работы в этом направлении — как трудов по общим проблемам политико-правового развития Казахстана и Средней Азии в составе Российской империи, так и биографических исследований, посвященных конкретным имперским региональным администраторам и правителям соответствующих центрально-азиатских государств. На основе анализа исследовательской литературы и в особенности исторических документов (в том числе правовых памятников) будет дана характеристика личностей и деятельности наиболее влиятельных российских администраторов, казахских и среднеазиатских ханов, существенно повлиявших на политико-правовое развитие Казахстана, Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств под властью (или протекторатом) Российской империи. Также будут проанализированы основные направления правовой политики российской администрации в Казахстане и ханствах Средней Азии, с выявлением, кто именно из руководителей региональной имперской администрации придерживался какого направления, какие политико-правовые последствия вызывала его деятельность и как она влияла на отношения этих государств к России в целом. Также планируется провести сравнительный анализ уровня политико-правового развития Казахстана и Средней Азии в рассматриваемый период с уровнем других регионов Российской империи (в первую очередь других «национальных окраин») и связать результаты анализа с деятельностью конкретных администраторов. Наконец, целесообразным видится сравнение роли, статуса, методов управления губернаторов окраинных регионов Российской империи со статусом колониальных губернаторов других империй того времени, в первую очередь Британской и Французской. Исследователи уже обращались к проблеме влияния конкретных представителей колониальной администрации на политику этих империй в соответствующих регионах, к особенностям их взаимодействия с властями метрополий и национальными элитами. Здесь можно назвать, в частности, труды Ю.П. Дементьева, Е.А. Глушченко, К.А. Фурсова, Д.Е. Уилсона и др. Оправданность сравнения колониального управления в Русской Средней Азии и западных держав в их восточных владениях подтверждается тем, что подобные исследования уже имели место (см., напр.: [Губаревич-Радобильский, 1905; Фурсов, 2010; Morrison 2008]).

Книга разделена на главы, каждая из которых соответствует определенному этапу политико-правового развития Казахстана или

Средней Азии под влиянием Российской империи. Все главы содержат своего рода вводный параграф, в котором дается общая характеристика изменений в государственном и правовом устройстве соответствующего региона, а затем анализируется роль конкретных представителей российской региональной администрации и местных правителей в этих преобразованиях, их позиция по основным аспектам реформ, их влияние на политику центральных властей по вопросам преобразовательной деятельности.

Тематика вхождения Казахстана и Средней Азии в состав Российской империи нашла широкое отражение в исследовательской литературе, начиная с трудов современников событий и заканчивая новейшими исследованиями специалистов из России, Казахстана и среднеазиатских государств, а также авторов из дальнего зарубежья. Вопросы, относящиеся к теме настоящего исследования, затронуты в трудах авторов XVIII — начала XX в. Большею частью это были российские чиновники в Казахстане и Средней Азии: П.И. Рычков, Г. Спасский, А.И. Левшин, В.В. Вельяминов-Зернов, Г.Ф. Генс, Ф.А. Бюлер, Ч.Ч. Валиханов, М.И. Терентьев, А.И. Добросмыслов, А.П. Хорошкин, И.И. Крафт, Е. Марков, Н.И. Веселовский. Также эта тема нашла отражение и в трудах иностранных авторов — таких современников событий, как Г. Ланселл, У.Э. Бакстер, Ф. Скрайн и Э. Росс, Ч. Марвин, Дж.Н. Керзон и др.

В советский период основное внимание уделялось проблемам классовой борьбы, и деятельность конкретных представителей российской администрации и национальных правящих элит рассматривалась именно с такой точки зрения. Наиболее важными для целей настоящего исследования являются труды, в частности, Н.Г. Аполовой, Д.Ю. Арапова, В.Я. Басина, Е.Б. Бекмаханова, М.П. Вяткина, С.З. Зиманова, П.П. Иванова, Б.И. Искандарова, Л.Г. Левтеевой, И.В. Погорельского, М.К. Рожковой, А.С. Садыкова, Т.Г. Тухтаметова, Б.С. Сулейменова, Н.А. Халфина, Т.Ж. Шоинбаева.

В это же время иностранные авторы также активно интересуются проблемами политического развития Казахстана и Средней Азии имперского времени. За исключением некоторых работ, основанных непосредственно на анализе исторических документов (как, например, работы Э. Каррер д'Анкосс (см., в частности: [Carrère d'Encausse, 1988])), большинство этих трудов представляют собой «разоблачение» российской колонизаторской политики в Центральной Азии (см., напр.: [Pierce, 1960; Becker, 2004 (1-е изд. 1968); Mackenzie, 1974]), либо же анализ так называемой Большой игры, в которой продвиге-

ние России в Центральную Азию трактуется почти исключительно как подготовка вторжения в британские владения в Афганистане и Индии (Р.Л. Гривс, У. Хаббертон и др.).

Наконец, в постсоветский период можно выделить целые три группы исследований — российские, «национальные» и западные.

Российские исследователи, занимающиеся вопросами политико-правового развития Казахстана и Средней Азии в имперский период, ставят своей задачей своеобразную «реабилитацию» российской имперской политики в Центральной Азии, стараясь опровергнуть сложившийся стереотип о ее колонизаторском характере. При этом значительное внимание авторами уделяется беспристрастному анализу исторических (в том числе правовых) документов без явных признаков апологии и идеализации российской имперской политики. В качестве примера можно назвать труды С.Н. Абашина, Н.Е. Бекмахановой, С.Н. Брежневой, О.И. Брусиной, А.Ю. Быкова, Д.В. Васильева, В.А. Воропанова, Е.А. Глушенко, Т.В. Котюковой, Е.Ю. Сергеева, Ф.Т. Тухтаметова и др.

«Национальные» исследования, т.е. вышедшие из-под пера представителей современной казахской, узбекской, таджикской, киргизской, туркменской науки, в большинстве своем следуют политическому заказу властей своих государств, стараясь охарактеризовать пребывание того или иного региона в составе Российской империи исключительно негативно — что в значительной степени является продолжением и советской традиции. Впрочем, следует отметить, что в последние годы резко негативный тон исследований центрально-азиатских народов и государств в имперский период несколько изменился, и сегодня «национальные» историки больше внимания стали уделять анализу документов, а не идеологическим конструкциям. В качестве примера можно назвать, в частности, труды Х. Давронова, Ж. Джамписовой, А.Ш. Ерова, М.У. Каюмова, С.М. Маткаримовой, К.Ж. Нурбаева, Г.С. Султангалиевой, р. Темиргалиева, Н.Р. Топилдиева.

Наконец, западные (а также и некоторые восточные, в частности, японские) авторы в последнее время вновь обратились к изучению российской имперской политики в Казахстане и Средней Азии. Большой интерес представляют работы, посвященные политическому и правовому развитию этих регионов в имперский период (см., в частности, труды В. Мартин, А. Моррисона, Д. Ноды, П. Сартори, Д. Сахадео, Т. Уямы, А. Франка).

В работах большинства вышеупомянутых авторов роль администраторов и представителей национальных правящих элит в пра-

вовом развитии Казахстана и Средней Азии в имперский период, безусловно, не является основным предметом исследования. При этом ряд авторов все же связывают те или иные направления политической (и в меньшей степени правовой) политики с конкретными российскими губернаторами или казахскими и среднеазиатскими правителями. Тем не менее немало работ посвящено личности и деятельности конкретных российских губернаторов, правителей Казахстана и ханств Средней Азии рассматриваемого периода. Имеются работы о И.К. Кирилове, включая его деятельность в Оренбургском крае и взаимоотношениях с кочевыми народами региона (Р.Г. Игнатьева, Л.Е. Иофа, М.Г. Новлянской). Многочисленные произведения посвящены В.Н. Татищеву (в том числе и взаимоотношениям с казахами в период его пребывания во главе Оренбургского края) (Л.Е. Иофа, А.Г. Кузьмина, Н.В. Попова, Ю.К. Татищева, В.А. Томсинова, И.В. Торопицына). Немало исследований посвящено И.И. Неплюеву как генерал-губернатору Оренбургского края (В.Н. Витевского, В.Б. Масляева, И.В. Торопицына). В последнее время внимание исследователей стала привлекать и деятельность О.А. Игельстрема (Н.С. Лапина, С.В. Любичанковского, Д.В. Васильева), прежде не получившая значительного отражения в специальных работах, хотя его реформы в Казахстане неоднократно изучались в контексте политического развития этого государства. Конечно же, обширная библиография посвящена выдающемуся теоретику государства и права, законодателю и государственному деятелю, М.М. Сперанскому (например, работы М.А. Корфа, В.А. Томсинова, а также М. Раэффа). Однако в рамках данного исследования нас наиболее интересуют публикации, касающиеся его пребывания на посту генерал-губернатора Сибири и связанной с ним преобразовательной деятельности, существенно повлиявшей на дальнейшее политико-правовое развитие Казахстана и его статус в составе Российской империи (среди них работы В. Вагина, Н. Ядринцева, Е.А. Попова, А.Н. Фатеева, А.И. Мурзиной, Л.М. Дамешека с соавторами и др.). Объектом исследования неоднократно становилась также и деятельность оренбургского губернатора В.А. Перовского, сыгравшего значительную роль в разработке политического курса Российской империи как в Казахстане, так и в Средней Азии (это прежде всего А.С. Акьюлов, И.М. Гвоздикова, С.В. Джунджузов, И.Н. Захарьин, Г.Б. Избасарова). Целый ряд исследователей изучали деятельность первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана (Л.Н. Беленчук, А.Д. Васильев и Д.В. Васильев, С. Горшенина, Е.А. Глущенко, В.М. Проску-

рин, Е. Толбухов, Б. Чижов, Д. Боулджер, Д. Макензи. Не обойдены вниманием ученых также непосредственный преемник Кауфмана, генерал М.Г. Черняев (в работах, например, С.Н. Брежневой, Е.А. Глущенко, А. Михайлова и др.) и первый губернатор Ферганской области М.Д. Скобелев (Е.А. Глущенко, Н.И. Гродеков, В.И. Гусаров, Б. Костин, В. Масальский и др.)¹. Деятельность последнего генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина также неоднократно была предметом исследований — правда, опять же в качестве военачальника, дипломата и исследователя и в гораздо меньшей степени как последнего главы администрации края (например, исследования И.В. Белокопя, С.В. Моисеева, Р.В. Сапрыкина).

До сих пор специально не изучалась деятельность еще целого ряда глав региональной администрации, которые оказали значительное влияние на российскую политику (в том числе и правовую) в Казахстане и Средней Азии. К ним относятся, в частности, оренбургские губернаторы П.К. Эссен, П.П. Сухтелен, А.А. Катенин, Н.А. Крыжановский, западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорт, туркестанские генерал-губернаторы А.Б. Вревский и Н.А. Иванов, деятельность которых анализируется лишь в работах по истории российской политики в Казахстане и Средней Азии. Это представляется довольно странным, учитывая, что специальные исследования посвящены даже таким малозначительным (с точки зрения их роли в развитии регионов и влияния на центрально-азиатскую политику Российской империи) администраторам, как «кратковременные» начальники Оренбургского края В.А. Урусов и С.П. Соимонов (публикации Р.Г. Игнатьева), Д.В. Волков (бывший личный секретарь императора Петра III) в работах М.А. Киселева, И.А. Рейнсдорп (у Е.Г. Вертоусовой), князь Г.С. Волконский (у И.М. Гвоздиковой и С.Н. Севастьянова), западносибирский генерал-губернатор П.Д. Горчаков (у А.В. Ремнева), оренбургский и самарский генерал-губернатор А.П. Безак (у Е.В. Годовой) и т.д. Соответственно, в настоящей монографии предприня-

¹ Впрочем, и М.Г. Черняев, и М.Д. Скобелев в качестве глав региональной администрации действовали очень недолго и, строго говоря, не оказали особого влияния ни на развитие Русского Туркестана, ни на политику центральных властей по отношению к нему. Соответственно, период их пребывания на губернаторских должностях также освещен исследователями довольно скупо: исследователи гораздо больше внимания уделяют их полководческой деятельности, причем не только в Центральной Азии, но и (даже в большей степени) на Балканах. Поэтому их деятельность в русской Средней Азии в данном исследовании специально не рассматривается.

та попытка до некоторой степени восполнить этот пробел и проанализировать деятельность, в частности, П.К. Эссена, Г.Х. Гасфорга и А.А. Катенина.

Не меньше исследователей в разное время занимались изучением биографий отдельных казахских и среднеазиатских правителей. Первые биографии появились уже в XIX в.: в 1870—1890-е годы опубликованы очерки, посвященные деятельности Аблая, Кенесары Касымова и его сына Садыка, а также Джангира, хана Внутренней Орды (среди них Ч.Ч. Валиханова, И.С. Иванова, А. Кенесарина, Н. Середы). Попытки написания биографий казахских ханов («феодалов-хищников») вызвали негативную реакцию со стороны властей, что приводило к проблемам для самих авторов. Так, положительная оценка деятельности того же Кенесары, данная в работе Е.Б. Бекмаханова (старавшегося, впрочем, подать эти события как борьбу против царского режима) привела к репрессиям против историка, а сама книга была опубликована уже после распада СССР. Впрочем, биографические труды, посвященные представителям казахской элиты неханского происхождения, в советские времена появлялись нередко: несмотря на то что герои этих жизнеописаний принадлежали к казахской аристократии, в глазах советских властей они, по-видимому, являлись «выходцами из простого народа», боровшимися как против царских колонизаторов, так и против собственных монархов (например работы М.П. Вяткина, А.Ф. Рязанова, В.Ф. Шахматова, Т.Ж. Шоинбаева). Поэтому неудивительно, что подавляющее число биографических работ — как статей, так и монографий — о казахских ханах и султанах появляется уже в постсоветский период в независимом Казахстане, а также и в России. Наибольшей популярностью, безусловно, пользуются биографии ханов Абулхайра, Аблая, Кенесары, Джангира, оказавших существенное влияние на российскую имперскую политику по отношению к казахам². Тем не менее привлекает внимание исследователей и судьба менее значительных в политико-правовом отношении казахских правителей. Так, например, на рубеже XX—XXI вв. появилась целая серия монографий, научных и научно-популярных

² См. такие, например, публикации, как: [Абдиров, 1993; Бершак, Быков, 2004; Ерофеева, 2007; Кадырбаев, 2010; Касымбаев, 1997; 1998e; 2001e; 2001z; 2005; Торопицын, 2011b; Турашбекова, 2013; Bodger, 1980; Аблай-хан, 1993; Абуев, 2002; 2012; 2013; Лапин, 2014; Абдилдабекова, 2009; Асеев, 2004; Валиханов, 2004; Дильмухамедов, 2010; Есимжанов, 2010; Ксенжик, 2012; Майхиев, 2011; Степняк, 1993; Шеметова, 2000; Дмитриев, 2007; Иренов, Иренов, 2010].

статей известного казахстанского исследователя Ж.К. Касымбаева, посвященных ханам Нурали, Ерали, Айшуак, Джанторе, а также нескольким султанам. В отдельных работах характеризуются претенденты на ханский трон, не признанные российскими властями — Барак, Каратай, Губайдулла, некоторые султаны, а также влиятельные батыры, т.е. лица неханского происхождения — Жанибек-тархан, Срым Датов, Исатай Тайманов и др.

Как видим, речь идет о казахских ханах и султанах: биографии среднеазиатских правителей — эмиров Бухары, ханов Хивы и Коканда, активно взаимодействовавших с Российской империей, по какой-то причине до сих пор не становились предметом специальных исследований. Исключение составляет биография кокандского временщика Алимкула, созданная в начале XX в. ферганцем Мухаммад-Юнусом Ташкенди [The Life, 2003], а также жизнеописания хивинского хана Мухаммад-Рахима, кокандского хана Худояра, бухарского эмира Музаффера и кашгарского правителя Якуб-бека, составленные их современником Д.Ч. Боулджером.

Во всех вышеупомянутых работах, безусловно, затрагиваются вопросы о взаимодействии российских губернаторов с местными правителями Казахстана и Средней Азии, однако специально вопрос об их влиянии на формирование российской имперской политики в этих регионах не исследуется. Настоящая работа, таким образом, в какой-то мере призвана восполнить этот пробел и оценить роль личностей и деятельности конкретных российских администраторов и казахских и среднеазиатских правителей в формировании имперской правовой политики в Центральной Азии. Вышеупомянутые работы в значительной степени являются отправной точкой для подобного анализа.

Однако основную базу для настоящего исследования, конечно же, будут составлять не столько исследования авторов, в той или иной степени затрагивающих изучаемую тематику, а первоисточники — исторические и правовые памятники: нормативные акты, переписка представителей властей различного уровня, другие официальные актовые материалы, свидетельства и мемуары современников, их дневники и частные письма.

В первую очередь следует назвать, безусловно, «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗРИ), в каждом из трех «Собраний» которого содержится большое количество нормативных актов различной юридической силы, отражающих имперскую правовую политику по отношению к Казахстану и Средней Азии. При этом

исследователи уже систематизировали и анализировали правовые акты, касающиеся правового регулирования статуса Казахстана (см.: [Абдрахманов, 2002; Отепова, 2009]), аналогичная работа в отношении документов ПСЗРИ по Средней Азии пока не проделана.

Большое количество документов, непосредственно касающихся правовой политики Российской империи в Казахстане и Средней Азии, уже опубликовано, однако, как ни странно, именно в рамках историко-правовых исследований до сих пор использовалось лишь в незначительной степени. Порой даже юридические памятники служили (и служат сегодня) источниками по общей политической и также экономической истории народов и государств Центральной Азии, а не истории их государственности и права (см., напр.: [Шайхова, 1989]).

Большую ценность для настоящего исследования представляют тематические сборники документов, относящихся к истории правовой политики Российской империи в Казахстане: материалы по казахскому обычному праву, собранные и систематизированные преимущественно представителями российской региональной администрации [Материалы, 1998; Казактын, 2004—2009; Степной закон, 2000], правовые акты и официальная переписка российских властей различного уровня между собой и с казахскими правителями и представителями правящей элиты [КРО, 1961; 1964; История, 2002; 1940; 1948; 1960; Под стягом, 1992, с. 325—406; Эпистолярное наследие, 2014а; 2014б], дипломатическая переписка зарубежных правителей (китайских и среднеазиатских) и иностранные официальные документы, посвященные Казахстану и попыткам иностранных держав установить контроль над ним [Цинская империя, 1989а; 1989б; Noda, Onuma, 2010].

Опубликован также и ряд сборников официальных документов, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к развитию правовой политики Российской империи в Средней Азии: хронологические подборки официальных актов о завоевании Россией Средней Азии (см., в частности: [Серебренников, 1912; 1915]), документы о принятии российского подданства киргизами и туркменами [Присоединение, 1960; Россия и Туркмения, 1946; Русско-туркменские, 1963; Кыргызстан—Россия, 1998]. Ценные сведения содержат документы, отражающие дипломатические отношения в Центральной Азии по поводу тех или иных среднеазиатских владений [Китайские документы, 1994; Международные отношения, 1989а; 1989б; Русско-индийские, 1958; 1997; 1999; Русско-китайские, 1958]. В значительной степени могут оказаться полезными и каталоги архивных документов

среднеазиатских государств [Иванов, 1940; Каримов, 2007; Каталог, 2001; Каталог, 2007; Троицкая, 1968], поскольку и они содержат информацию о взаимодействии местных правителей с российской имперской администрацией, отражают влияние российского законодательства на правовое развитие этих государств.

Помимо тематических сборников, есть немало публикаций отдельных актов или небольших подборок, в том числе и в качестве приложений к исследовательским работам (см., напр.: [Ахмедов, 1973; Брегель, 1961; Бухерт, 2003б; Искандаров, 1958; Семенов, 1929; 1954; Сулейменов, Басин, 1981; Султангалиева, Далаева, 2014; Троицкая, 1969; Цыпляев, 1911; Bregel, 2007; Wood, 2005]).

Ценным источником о российской политике в Казахстане и Средней Азии являются отчеты, письма и мемуары российских чиновников, которые много лет проводили в соответствующем регионе и имели объективное представление о политике России, ее достоинствах и недостатках, роли конкретных российских администраторов и местных правителей в ее развитии. Таких документов опубликовано довольно много, и в настоящее время их публикация активно продолжается как в России, так и в Казахстане. В частности, можно назвать работы таких авторов, как И.И. Неплюев, И.Г. Андреев, В.А. Перовский, И.И. Крафт, А.К. Гейнс, И.Ф. Бларамберг, Г.П. Федоров, И.В. Чернов, Д.Н. Логофет и др.

Представляют большую ценность и записки представителей центральных властей (в частности, ряда российских министров), в которых, во-первых, отражено представление об имперской политике на восточных «национальных окраинах» Российской империи, во-вторых, дается оценка деятельности представителей региональной администрации. Ярким примером являются дневники и мемуары Д.А. Милютина, военного министра Российской империи, сыгравшего огромную роль в присоединении к России среднеазиатских владений, а также А.Н. Куропаткина — военного министра, а затем и последнего генерал-губернатора Туркестанского края.

Близкой по происхождению к двум предыдущим и при этом тоже очень важной группой источников являются официальные отчеты и частные записки (дневники, мемуары) дипломатов о миссиях, с которыми они отправлялись в те или иные страны и регионы, о политико-правовой ситуации в конкретном государстве, воспоминания о представителях российской администрации и правителях центрально-азиатских государств. В этом направлении важными являются труды, в частности, А.И. Тевкелева, Н.В. Ханыкова, Н.П. Игнать-

ева, Н. Залесова, Л.Ф. Костенко, Г.А. Арендаренко, В.И. Чарыкова, П.М. Лессара и др.

Особую подгруппу источников составляют записки иностранцев, побывавших в Казахстане и(или) Средней Азии в период их нахождения под властью Российской империи — дипломатов, путешественников, торговцев, многие из которых *de facto* являлись разведчиками. Хорошо известны (хотя и не использованы широко в рамках анализа правовой политики Российской империи в Центральной Азии) произведения таких авторов, как Д. Кэстль, А. Борнс, А. Вамбери, Дж.У. Букуолтер, У.Э. Кертис, Дж. Добсон, Ч. Марвин, Г. Норман, О. Олуфсен, Ю. Скайлер и др.

До сих пор мы говорили об опубликованных документах, поскольку многие из них, хотя и введены в научный оборот, но, повторимся, практически не использовались специалистами в области истории права. Поэтому их подробный анализ в целях поставленных автором настоящего исследования, представляется вполне оправданным и, хочется надеяться, принесет элемент новизны в изучение данной тематики. Тем не менее нельзя не сказать, что огромное количество документов до сих пор находится в архивах и лишь время от времени привлекает интерес специалистов, не являющихся научными сотрудниками этих архивов. В связи с этим большой интерес представляют, в частности, документы архивных фондов таких губернаторов, как П.К. Эссен, В.А. Перовский, К.П. фон Кауфман, хранящихся в архивах Москвы (АВПР), Санкт-Петербурга (РГИА), Оренбурга (ГАОрО), Ташкента (ЦГА РУз) и др.

Нельзя не отметить огромную и кропотливую работу отдельных ученых и коллективов, в результате которой архивные документы становятся доступными более широкому кругу исследователей, не имеющих возможности работать непосредственно с архивными материалами. Помимо вышеназванных публикаций архивных документов в последние годы, активно осуществляемых, в частности, рядом научных организаций Республики Казахстан, нельзя не отметить с признательностью работу ряда ученых России и Узбекистана в рамках проекта «Зеркала» (Zerrspiegel: <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>), по итогам которого в открытом доступе в Интернете оказались сотни документов из ряда фондов Центрального государственного архива Республики Узбекистан, в том числе и непосредственно относящихся к тематике настоящего исследования.

Считаем необходимым отметить, что анализ всех вышеперечисленных документов (как опубликованных, так и архивных) не яв-

ляется целью настоящей работы, поскольку она представляет собой историко-правовое исследование влияния конкретных личностей российских региональных администраторов и представителей национальных правящих элит на формирование и развитие правовой политики Российской империи в Казахстане и Средней Азии. Поэтому во многих случаях даже из правовых документов автору приходилось использовать лишь определенные фрагменты, по крупицам выбирая информацию, позволяющую ответить на вопросы, непосредственно касающиеся поставленной цели.

Также нужно обратить внимание на специфику написания некоторых имен в настоящей книге. Автор использовал принятые в современной научной литературе формы написания имен, например, Кенесары, Иликей. Иные варианты написания конкретных деятелей (Кенисары, Илекей) могут встречаться в цитатах и названиях источников.

Это исследование не было бы осуществлено без дружеской поддержки ряда коллег в форме личных научных консультаций, предоставления возможности ознакомиться с новейшими исследованиями и архивными материалами и возможности публично обсудить и опубликовать в специальных изданиях промежуточные результаты исследования. В связи с этим автор выражает глубокую признательность Д.Ю. Арапову, Н.Е. Бекмахановой, В.В. Белякову, В.О. Бобровникову, А.Д. Васильеву, Т.В. Котюковой, И.В. Кульганек, С.В. Любичанковскому, В.П. Николаеву, Г.Х. Самигулову, Н.Л. Семеновой, Д.В. Сеню (Россия), Г.Б. Избасаровой, Н.С. Лапину, Р.Ж. Темиргалиеву, К.З. Ускенбаю (Казахстан), Б.М. Бабаджанову и А.С. Эркинову (Узбекистан), А. Моррисону (Великобритания), Х. Эрдэнчулуу (КНР), Д. Нода (Япония).

Глава I

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И КАЗАХСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1730–1750-е годы)

Начало процесса интеграции Казахстана в политико-правовое пространство Российской империи датируется 1731 г. Именно тогда, после длительных и сложных переговоров российского дипломата А.И. Тевкелева с представителями казахской правящей элиты, Абулхайр, хан Младшего жуза, получил грамоту императрицы Анны Иоанновны о принятии его вместе с подданными в российское подданство и принес присягу ей на верность [Материалы, 1960, № 3, с. 12–13; № 5, с. 16–17].

Взаимодействие России и Казахстана началось, конечно же, задолго до первой трети XVIII в., и вопрос о принятии казахов в подданство русских государей также возник намного раньше этого времени. Русско-казахские связи были впервые установлены в конце XVI в., причем московское правительство изначально было нацелено на установление своего сюзеренитета над казахами (см.: [КРО, 1961, № 6, с. 8–10]). Подобная позиция, по-видимому, объяснялась своеобразной «эйфорией» московских властей после завоевания трех государств — преемников Золотой Орды: Казанского (1552), Астраханского (1556) и Сибирского (последняя четверть XVI в.) ханств и установления сюзеренитета над еще одним постордынским государством — Ногайской Ордой. Поскольку казахские правители, являясь потомками золотоордынских ханов, были также преемниками Золотой Орды, вполне логично, что московские правящие круги и их стали рассматривать как потенциальных вассалов. Кроме того, инициатором установления русско-казахских отношений стал казахский султан Ураз-Мухаммад, попавший в плен к московским войскам в 1588 г. во

время завоевания Сибири. Впоследствии он поступил на московскую службу и в 1600 г. стал правителем вассального России Касимовского ханства. Вполне вероятно, что он представил политическую ситуацию в Казахстане не вполне объективно, уверив российские власти, что казахи охотно пойдут на признание вассалитета от Москвы. Естественно, самими казахскими ханами и султанами подобная позиция Москвы не приветствовалась, поэтому не приходится удивляться, что особого энтузиазма предложения московской дипломатии у казахских правителей не вызвали.

На рубеже XVI–XVII вв. практически одновременно начались глубокий политический кризис и борьба за власть и в Московском государстве, и в Казахском ханстве, в результате чего дипломатические отношения между ними фактически прекратились и не восстанавливались еще около столетия. Впрочем, это не означает, что русские и казахи совершенно не имели сведений друг о друге в течение всего XVII столетия: периодически они получали информацию в процессе осуществления контактов с монгольскими народами и государствами — восточными монголами, Джунгарским и Калмыцким ханствами.

Официальное восстановление дипломатических отношений между Российской империей и Казахстаном произошло лишь в 1716 г., и на это раз уже казахский хан Каип сам обратился к Петру I с предложением мира и военного союза [КРО, 1961, № 14–23, с. 16–31], что, впрочем, рассматривалось самим императором именно как намерение вступить в российское подданство [Там же, № 24, с. 31]. Однако переговоры по этому вопросу в силу различных политических обстоятельств растянулись на полтора десятилетия, пока, наконец, императрица Анна Иоанновна своей грамотой от 19 февраля 1731 г. не подтвердила официально статус казахов в качестве подданных Российской империи.

Причины, по которым казахские правители подняли вопрос о вхождении в состав империи, не скрывались самими казахскими правителями в посланиях российским властям и, соответственно, неоднократно изучались исследователями. Самой серьезной, по мнению большинства специалистов, являлась угроза подчинения Казахстана западно-монгольским Джунгарским ханством, которое и в самом деле неоднократно вторгалось в казахские области, подвергало грабежу аулы, захватывало пленников, заставляло местное население выплачивать дань. Казахи надеялись, что нахождение под сюзеренитетом России заставит джунгарских правителей (хунтайджи) прекра-

тить свою экспансионистскую политику в отношении Казахстана. Но было бы ошибкой представлять казахов исключительно пострадавшей стороной: казахские правители сами не реже совершали набеги на территорию Джунгарии, а в 1730 г. (т.е. еще до принятия российского подданства) нанесли сокрушительное поражение джунгарской армии в Аныракайской битве, что заставило Джунгарию заключить мир после семилетней войны и существенно снизило угрозу последующих масштабных вторжений со стороны джунгар [Ерофеева, 2007, с. 190–207; Аныракайский, 2008, с. 77–81]. Кстати, взаимные набеги казахов и джунгар, продолжались и после вхождения Казахстана в состав России, на рубеже 1730–1740-х годов, казахские и джунгарские правители вели переговоры, заключали договоры, обменивались заложниками и т.д. (подробнее см.: [Моисеев, 1991, с. 85 и след.]). Более того, российское покровительство требовалось казахским ханам для того, чтобы самим перейти в наступление и взять реванш за прежние нападения джунгар (см.: [КРО, 1961, № 22, с. 28–29])! Следует также иметь в виду, что Джунгарское ханство не слишком отличалось от Казахского по своей политической системе, в нем также постоянно шла борьба за власть, и угроза полного подчинения Казахстана джунгарами была не так вероятна, как старались показать это некоторые казахские правители. Более того, в 1745 г., после смерти хунтайджи Галдан-Цэрена, Джунгарское ханство сотрясали постоянные смуты, связанные с борьбой различных претендентов на трон, в результате на рубеже 1740–1750-х годов Джунгария попала в вассальную зависимость от империи Цин, а в 1758 г. была полностью разгромлена и присоединена к Китаю [Златкин, 1964, с. 279–303]. Поэтому вряд ли стоит абсолютизировать эту причину принятия казахами российского подданства.

Значительную угрозу для казахов представляли и нападения со стороны российских подданных — башкир и калмыков, стычки с которыми, а иногда и крупные набеги, также постоянно тревожили казахские жузы (см., напр.: [Таймасов, 2009, с. 150, 152] (ср.: [Ерофеева, 2007, с. 265; Васильев Д.В., 2014б, с. 15])). Казахские правители не без оснований полагали, что приобретение статуса таких же подданных России послужит гарантией против этих набегов. Однако точно так же, как в отношении с Джунгарией, казахи не меньше башкир и калмыков были виноваты в этой вражде, поскольку сами нередко совершали такие же разорительные набеги, захватывали башкирских и калмыцких пленников и скот. И надо отметить, что даже после принятия российского подданства казахские правители не отказались от

этой практики: взаимные набеги казахов, калмыков и башкир продолжались в течение десятилетий, несмотря на попытки российских властей воздействовать на всех виновных административными и правовыми методами — вплоть до разбирательств в Правительствующем сенате [Таймасов, 2009, с. 17]. Таким образом, намерение казахов обезопасить себя от набегов башкир и калмыков путем принятия российского подданства также вряд ли было серьезной причиной для столь важного решения — ведь тем самым казахские правители лишали и себя (по крайней мере юридически) права совершать небезвыгодные нападения на башкирские и калмыцкие кочевья.

Наконец, третьей причиной заинтересованности отдельных казахских правителей в российском подданстве была возможность получения российской поддержки — административной и, как надеялись сами ханы, военной — в борьбе за укрепление личной власти. И как мы увидим ниже, наиболее активно эти амбиции проявлял именно Абулхайр, первым из казахских ханов-Чингисидов признавший российское подданство.

Особенностью вхождения Казахстана в состав Российской империи стало то, что, в отличие от тюрко-татарских народов Поволжья, Приуралья и Сибири (в частности, населения бывших Казанского, Астраханского, Сибирского ханств), казахи признали российский сюзеренитет добровольно и даже более того, фактически они сами проявили инициативу по поводу вхождения в состав России. В связи с этим российские власти в течение довольно длительного времени не вполне понимали, каким образом следует выстраивать правоотношения со своими новыми подданными, поскольку схемы, применяемые в управлении населением бывших тюрко-татарских ханств, покоренных военным путем в XVI—XVII вв., в данном случае были неприменимы. Специфика правоотношений Российской империи с правителями Казахстана нашла отражение и в правовых актах, закрепивших статус казахских вассалов в отношении России.

Соответственно, первичный этап вхождения Казахстана в состав Российской империи имел специфический переходный характер политики имперских властей по отношению к своим кочевым подданным и соседним тюрко-монгольским государствам. Переходность заключалась в том, что российские власти пытались сочетать в регулировании взаимоотношений с кочевыми народами элементы и прежней традиционной практики, и новых имперских реалий. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить причину оформления сразу двух правовых актов, зафиксировавших признание казахским Млад-

шим жузом российского подданства — грамоту императрицы Анны и присягу хана Абулхайра.

Грамота Анны Иоанновны, на первый взгляд, представляет собой нормативный акт вполне «европейского образца», характерный и для регулирования правоотношений в европейских частях Российской империи со времен Петра I, а присяга Абулхайра — не более чем «экзотическое приложение» к основному документу-указу. Однако если обратиться, с одной стороны, к содержанию обоих актов, с другой — к истории правового регулирования отношений России с ее кочевыми подданными, то мы убедимся, что, во-первых, грамота и присяга — фактически две неотъемлемые части одного нормативного акта, во-вторых, принятие казахов в российское подданство оформлено в традициях не столько послепетровской Российской империи, сколько Московской Руси (а через ее посредство и Золотой Орды).

Соответственно, нельзя сказать, что этот документ был совершенно уникален по форме: и в отношениях с вышеупомянутыми тюрко-монгольскими народами и государствами московские государи в дополнение к тексту присяги-шерти нередко выдавали собственные грамоты, в которых принимали «в подданство» правителей соответствующих народов и государств с их собственными подданными (см., напр.: [Русско-монгольские, 1959, № 97, с. 196–199]). Тем не менее такие грамоты составлялись в куда более «мягкой» форме, и понятие подданства в них было довольно расплывчатым. В принципе эти грамоты отражали некую московскую государственную и правовую идеологию отношений с соседними кочевыми народами, от которых в большей степени требовалось соблюдение мира и безопасности границ, нежели прямое исполнение вассальных обязательств. Таким образом, эти грамоты в полной мере вписывались в традиционный характер правового регулирования взаимоотношений Московского государства с кочевыми соседями.

Реформы Петра I, радикальная трансформация статуса России (из «царства» в «империю»), имели следствием существенные изменения и в политико-правовой идеологии российских государей — преемников первого императора. В частности, это нашло отражение в том, что прежние отношения государей и подданных как сочетание неких взаимных прав и обязанностей теперь превратились в совокупность односторонних обязательств «подданного всероссийского народа», который был обязан безусловно службой своему императору — абсолютному монарху (см.: [Анисимов, 1989, с. 300 и след.]). Именно в этом ключе следует рассматривать и грамоту Анны Иоанновны хану

Абулхайру, ставшую частью своеобразного «договора» о принятии казахов в российское подданство. И все же факт добровольного признания казахским правителем российского сюзеренитета обусловил некоторые особенности этого документа.

Прежде всего обращает на себя внимание само название документа — грамота, а не указ. То есть речь идет о послании на тот момент еще независимому монарху, хотя и выразившему намерение принять российское подданство, о чем и идет речь в самом документе¹. Этот вывод подтверждается тем фактом, что последующие акты императорского волеизъявления казахским ханам (включая и самого Абулхайра), уже принявшим российское подданство, именуется указами, т.е. выражают волю монарха по отношению к подданным.

При анализе прав и обязанностей будущих казахских подданных мы не находим никаких попыток внедрить среди них какие-либо институты российской имперской системы управления или права: весь их перечень строится на понятиях и категориях, вполне понятных и привычных казахским правителям.

Для начала остановимся на обязанностях. Императрица приказывает своим новым подданным быть верными новому сюзерену и платить ясак — натуральный налог, распространенный среди тюрко-монгольских народов. Эта форма налога имела весьма давнее происхождение. В Великой Монгольской империи и выделившихся из нее впоследствии чингисидских государствах он взимался с первой половины XIII в. под названием «копчур» со всех кочевых подданных: «И в том же году (632 г. х./1235 г. — *Р. П.*) установили копчур со скота, определив дать одну голову со ста голов» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 36]. Тот факт, что российские власти стремились сохранить традиционную практику налогообложения, подтверждается и упоминанием о том, что казахи должны «служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы», т.е. другой кочевой тюркский народ в составе Российской империи. Далее, казахам предписывается вернуть «взятых россиян», т.е. пленников, захваченных во время набегов и «быть в миру» с башкирами и калмыками. Кроме того, предусматривается возможность использования казахских войск в русских военных кампаниях:

¹ Нельзя не провести параллель с тюрко-монгольской правотворческой и дипломатической традицией: ханы, потомки Чингис-хана, свои акты или послания, адресованные подданным или нижестоящим по положению правителями, именовали «ярлыками», т.е. указами, тогда как равным с ними по статусу они направляли «битики» — послания (подробнее см.: [Почекаев, 2009а, с. 66, 85]).

...и когда по указу нашего и.в. будет вам наряд куда на службу нашу с другими подданными российскими, с башкирцы и с калмыки, тогда вам с ними вместе во определенная места ходить со всякою охотою [Материалы, 1960, № 3, с. 12].

Также казахам запрещалось нападать на таких же, как они сами, российских подданных — калмыков, башкир и купеческие караваны. В отношении последних, напротив, предписывалось

от всяких опасных в пути случаев охранять и в проездах их потребное вспоможение чинить.

Права, пожалованные казахам по грамоте императрицы Анны, во многом перекликались с обязанностями. Так, если им запрещалось совершать набеги на калмыков и башкир, то имперское правительство аналогичный запрет установило и для самих башкир и калмыков, яицких и сибирских казаков в отношении казахов:

чтоб от подданных российских обид и разорения вам никакого не было.

Соответственно, в ответ на возвращение из казахского плена российских подданных давалось обещание

ясырей (т.е. пленников. — *Р. П.*), взятых от вас башкирцами и прочими российскими подданными, вам возвратить.

Поскольку российские власти намеревались использовать казахские войска в своих военных кампаниях, в обмен они обеспечивали казахам защиту от внешних врагов:

ежели на вас, кайсаков, будут нападать какие неприятели, чтоб вы могли от того нашим и.в. защищением охранены быть.

Из совокупности проанализированных прав и обязанностей казахов как российских подданных можно без труда увидеть, что интерес во вхождении Казахстана в состав Российской империи отнюдь не был односторонним, хотя формально оно и было осуществлено по инициативе казахской стороны². Российские власти также стреми-

² В советской историографии, особенно раннего периода (1920–1930-е годы), присоединение Казахстана к Российской империи трактовалось преимущественно как реализация империалистических амбиций России, ее колонизаторские устремления, сговор царизма с казахской верхушкой и проч. (см., напр.: [Асфендиаров, 1936, с. 6]).

лись решить ряд проблем, с которыми сталкивались на границах с казахскими жузами: постоянные набеги казахов на калмыков, башкир и русских поселенцев, пленение подданных русских императоров, разграбление караванов и т.д. Именно эти проблемы и пытались решить составители грамоты Анны Иоанновны.

Присяга же Абулхайра, по сути, представляла собой так называемую шертную грамоту, или просто «шерть» (в восточной традиции — «шарт-наме»), т.е. международно-правовой договор, оформленный в форме присяги одного государя другому. Подобные грамоты получили широкое распространение в XVI–XVII вв. в отношениях между Московским государством и соседними тюрко-монгольскими ханствами — наследниками Золотой Орды и вновь созданными на ее бывшей территории государствами. Специалисты уже давно исследуют шертные грамоты, оформлявшиеся в рамках взаимоотношений Московского царства с Крымским ханством, Ногайской Ордой, Калмыцким ханством, народами Сибири, монгольскими ханствам и даже, в некоторых случаях, с собственными подданными и «иноземцами» (выходцами из Западной Европы), поступавшими на московскую службу (см. соответственно: [Бережков, 1894; Лашков, 1895; Фаиз, 2002; Моисеев, 2012; Тепкеев, 2010; Конев, 2005; Солодкин, 2012; Чимитдоржиева, 2003; Зуев, Слугина, 2011]). Важно отметить, что хотя в большинстве случаев подобные договоры носили неравноправный характер, поскольку, как правило, предусматривали в одностороннем порядке обязательства соответствующих тюрко-монгольских правителей по отношению к московским государям, в большинстве случаев они все же имели статус актов международно-правового характера, т.е. между самостоятельными субъектами права, обладавшими свободой волеизъявления.

Какие же нормативные положения нашли отражение в присяге Абулхайра? Все его обязательства прямо отражены в пяти пунктах, составляющих текст этого документа: 1) быть верными императрице Анне Иоанновне и ее наследникам; 2) направлять свои войска для участия в военных действиях Российской империи; 3) воздерживаться от нападений на других российских подданных; 4) не нападать на российских купцов, проезжающих через казахские степи, а напротив, обеспечивать их безопасность; 5) наконец, вернуть всех взятых в плен российских подданных.

Как видим, текст присяги в полной мере отражает взаимоотношения двух субъектов международного права, один из которых (казахский Младший жуз) признает вассалитет по отношению к другому

(Российской империи), рассчитывая на его покровительство и обязуясь совершать одни действия или, напротив, воздерживаться от других. Ни о каком прямом вхождении Казахстана в состав России речи не идет — ни о распространении на казахские области российской системы управления, российского законодательства, ни даже о появлении каких-то представителей имперской администрации, ответственных за развитие отношений с казахскими правителями.

Текст присяги, таким образом, по своему содержанию очень близок к шертным грамотам, какие заключались московскими государями с тюрко-монгольскими правителями ранее, еще в XVII в. Например, в шертной грамоте монгольского Алтын-хана также имелись обязательства воздерживаться от нападения на русских подданных и воевать на стороне Московского царства (1633 г.) [Русско-монгольские, 1959, № 99, с. 200–201]. Обязательство выступать в военных действиях на стороне Москвы давали в своей шертной грамоте юкагирские князья (1648 г.) [Зуев, Слугина, 2011, с. 188–189]. Калмыцкие тайши шертуют в том, чтобы быть верными московскому царю, не вступать в союзы с его врагами и не нападать на русских подданных (1673 г.) [ПСЗРИ, 1830, № 540, с. 924]. Обязательство не нападать на московских подданных и московских купцов представлено, в частности, в шертной грамоте крымского хана Мурад-Гирея (1091 г. х./1680 г.) [Новиков, 1790, с. 3–5].

Легко увидеть, что текст грамоты императрицы (особенно в части обязанностей новых подданных) практически полностью перекликается с текстом присяги хана Абулхайра, проанализированного выше. Это позволяет сделать вывод, что Анна Иоанновна, вроде бы, признавала казахских правителей не своими прямыми подданными, а вассалами. Тем не менее в грамоте (равно как и в последующих документах) присутствовали некоторые нюансы, которые имели важное формально-юридическое значение. И.В. Ерофеева обратила внимание на то, что русский и тюркский варианты официальных актов о принятии казахов в подданство 1731 г. не вполне точно соответствовали друг другу, и это отражало различные позиции российских властей и казахских правителей по поводу самого института подданства.

Так, например, в тюркском варианте грамоты Анны Иоанновны подданство обозначено термином «таби́», который в дальнейших документах стал заменяться сходным с ним по значению термином «р'аййат» [Ерофеева, 2013, с. 93–94]. Если первый термин еще можно понимать как «подданство», то второй более правильно переводить уже как «рабство», что в полной мере соответствовало новым, импер-

ским представлениям о подданстве как безоговорочном подчинении монарху. Соответственно, и в русских вариантах последующих документов, с помощью которых оформлялось принятие казахов в российское подданство (1730—1740-е годы), термин «раб» стал официальным термином для обозначения нового статуса казахских правителей по отношению к российскому монарху. Даже сам хан Абулахир в новой присяге, принесенной в 1738 г., именует себя «верным, добрым и послушным рабом и подданным» Анны Иоанновны [Крафт, 1897, с. 40—41], причем следует отметить, что текст именно этой присяги стал своеобразным образцом, эталоном для последующих присяг казахских правителей российским монархам. И.В. Ерофеева совершенно правильно отмечает, что казахские ханы и султаны могли всего лишь заимствовать «казенные трафаретные понятия из русского политического лексикона для соотнесения самих себя с российским престолом», тогда как само понятие «подданство» казахи никоим образом не отождествляли с понятием «рабство» в его буквальном значении [Ерофеева, 2013, с. 94]. Следствием этого стало сохранение довольно независимой политики казахских правителей — как Абулхайра, так и хана Семеке, султана Аблая и др., вслед за ним принесших присягу на верность Российской империи.

Во-первых, многие положения, зафиксированные в императорских указах и ханских присягах, в этот период так и остались на бумаге. Прежде всего, ясак в пользу Российской империи, выплата которого свидетельствовала бы о фактическом признании казахскими ханами своего вассалитета, выплачивался очень нерегулярно, а то и вообще не выплачивался. И надо сказать, имперские власти не принимали никаких особых мер, чтобы взыскать эту «задолженность по уплате налога», поскольку в этот период вполне разумно стремились заставить казахских ханов просто привыкнуть к мысли о том, что они являются вассалами Российской империи [Вяткин, 1947, с. 158]. Соответственно, ни разу за всю историю пребывания Казахстана в составе Российской империи казахские войска не привлекались к участию в военных кампаниях вдали от мест своего проживания. Имперские власти вполне устраивал тот факт, что казахи обеспечивают безопасность границ империи с Китаем (империей Цин), среднеазиатскими ханствами, а также время от времени участвуют в подавлении антирусских выступлений калмыков или башкир. Надо сказать, что освобождение казахов от воинской повинности весьма скрупулезно соблюдалось имперскими властями на протяжении почти двух столетий, постоянно получая подтверждение в каждом новом норматив-

ном акте, касавшемся правового статуса казахов в составе Российской империи (см., напр.: [Сулейменов, Басин, 1981, с. 135]). Поэтому неудивительно, что, когда в 1916 г., во время Первой мировой войны, власти попытались мобилизовать казахов на военную службу (причем не для участия в боевых действиях, а для тыловых работ!), это послужило поводом для многочисленных восстаний по всему Казахстану [Восстание, 1960, с. 7].

Во-вторых, казахские правители продолжали совершать действия, мало совместимые со статусом верноподданных: нападали на башкирские кочевья, грабили российские караваны и дипломатические миссии, вели собственные переговоры с Джунгарией, китайской империей Цин и ханствами Средней Азии.

Объяснять подобные действия вероломством казахских ханов и султанов было бы неверно. Просто российские власти и казахские правители имели несколько разные представления о вассальных правах и обязанностях. Дело в том, что у тюрко-монгольских народов имелось представление о подданстве, не совпадавшее с представлением, характерным для оседлых государств. Кочевники понимали подданство как систему более-менее равноправных отношений с сюзереном, гарантию сохранения определенных льгот и привилегий в обмен на определенные выплаты (ясак) и военную службу. Если же права вассалов, по их мнению, ущемлялись, они могли перекочевать в земли другого сюзерена, вовсе не чувствуя себя мятежниками против прежнего. Так поступали не только казахи, но и другие подданные российских монархов — монголы, буряты, калмыки, алтайцы и проч. [Трепавлов, 2007, с. 146–147, 164–167]. По-видимому, именно многочисленные прецеденты подобного рода в отношении прежних кочевых подданных и заставляли российские власти (по крайней мере, поначалу) довольно терпимо относиться к фактам нарушения казахскими ханами своих присяг и довольствоваться принятием новых нормативных актов, в которых содержались предписания прекратить подобные действия, несовместимые со статусом вассалов (см., напр.: [КРО, 1961, № 53, с. 117–118; Крафт, 1898а, с. 28–30]).

Однако уже в первые годы после принятия ряда казахских родов и племен в российское подданство имперские власти постепенно стали выстраивать отношения с ними, в корне отличающиеся от прежней политики «невмешательства» Московского государства в дела своих тюрко-монгольских вассалов, зачастую лишь номинально признававших зависимость от российских государей. В первую очередь это нашло отражение в том, что уже в середине 1730-х годов Российская

империя предпринимает первые административные шаги для упорядочивания отношений с Казахстаном, четко определяет формат этих отношений и устанавливает контроль за действиями новоприобретенных подданных в отношении России и ее населения.

Так, уже в 1734 г. начинается строительство города Оренбурга, которому со временем предстояло стать центром российской администрации по взаимодействию с казахами, также учреждается Оренбургская экспедиция, вскоре переименованная в Оренбургскую пограничную комиссию — орган власти, непосредственно отвечающий за контакты с казахскими правителями [Рязанов, 1928, с. 27–34]. Последние, таким образом, формально лишались права обращаться непосредственно к монарху или в центральные органы власти и теперь были обязаны все вопросы решать через пограничную администрацию — начальника экспедиции (комиссии) (см., напр.: [КРО, 1961, № 53, с. 117–118; Крафт, 1898а, с. 47–48]). Соответственно со второй половины 1730-х годов изменилась и процедура принесения присяги казахскими ханами и султанами: если раньше представители российских властей приезжали к ним в ставку (резиденцию), то теперь сами вассальные правители были обязаны прибывать в Оренбург и присягать на верность Российской империи там. Кроме того, получила распространение практика принятия от казахских вассальных правителей аманатов — заложников их верности российской короне (чаще всего таковыми являлись ханские сыновья). Правда, на законодательном уровне такая практика не фиксировалась, а являлась, скорее, правовым обычаем, неуклонно, впрочем, соблюдавшимся на раннем этапе пребывания казахов в составе Российской империи.

Тем не менее на протяжении всех 1730–1740-х годов российские власти воздерживались (по крайней мере, на формально-юридическом уровне) от прямого вмешательства в правоотношения своих новых казахских подданных. Как уже отмечалось, российское имперское законодательство на казахов не распространялось. В административном отношении первые оренбургские начальники, во-первых, регулировали только пограничные взаимоотношения казахов и других подданных Российской империи (башкир, калмыков, казаков), во-вторых, как правило, не проявляли инициативы, а лишь реагировали на действия со стороны казахских правителей, не вписывавшиеся, по мнению имперской администрации, в понятие «верноподданства» [Ерофеева, 2005, с. 27–28]. Во многом это связано, несомненно, с тем, что зависимость от России признали казахские правители, к этому времени официально обладавшие ханской властью и, соответ-

ственно, признававшиеся в этом статусе со стороны властей империи. В этом также можно найти отражение прежнего характера взаимоотношений Московского государства с тюрко-монгольскими соседями и вассалами: шертные грамоты оформлялись от имени находившихся у власти правителей и обычно возобновлялись после смерти московского царя и(или) хана соответствующего государства.

Изменение такого формата отношений впервые произошло в 1749 г., когда ханом Младшего жуза был избран Нурали, сын Абулхайра: был издан императорский указ, которым впервые официально признавались и утверждались результаты его избрания. Таким образом, российские имперские власти перестали ограничиваться просто признанием казахских правителей, избравшихся в соответствии со степными обычаями и традициями, а стали нормативно подтверждать их статус, обеспечивая, таким образом, новый, «российский» фактор легитимации в вассальных ханствах (подробнее см.: [Почекаев, 2012б]). Пожалуй, именно с этого времени можно уже с большим основанием говорить о превращении русско-казахских отношений в отношения сюзерена и вассала в новом «имперском формате». До этого же, в период 1731–1749 гг., несмотря на первые попытки распространить имперскую политико-правовую идеологию и на отношения с казахами, российские власти в большей степени следовали прежним традициям взаимоотношений еще Московского царства со своими кочевыми соседями как с союзниками (пусть и не вполне равноправными).

Почему же стало возможным такое существенное изменение статуса казахских ханов по отношению к российским властям? И почему оно имело место именно в конце 1740-х годов? Для ответа на этот вопрос следует подробно проанализировать деятельность первых начальников Оренбургского края и современных им казахских правителей, а также особенности их взаимоотношений.

**§ 1. «Издали произносятся между нами
добрые и худые слова, то просим во всем не гневаться»:
первые начальники Оренбургского края И.К. Кирилов
и В.Н. Татищев и хан Младшего жуза Абулхайр**

Одной из главных проблем во взаимоотношениях казахов с российскими имперскими властями являлась кадровая, причем наиболее остро она стояла именно на раннем этапе выстраивания отношений Российской империи с новыми подданными. Дело в том,

что назначение на должность начальника Оренбургского края многими государственными деятелями воспринималось как ссылка на дальнее степное пограничье (порой так и было на самом деле). Неудивительно, что, получив в управление Оренбуржье, многие губернаторы не проявляли особого рвения ни в управлении краем в целом, ни в развитии отношений с казахами.

Среди оренбургских начальников особняком стоят двое первых из них — И.К. Кирилов и В.Н. Татищев, фактически положившие начало формированию Оренбургского края, его системы управления и экономической инфраструктуры. Кроме того, именно они стали первыми представителями региональной администрации, в ведении которых находилось взаимодействие с казахскими жузами в процессе их вхождения в состав России. Соответственно, именно от пограничных оренбургских начальников зависело, как будут складываться отношения между имперскими властями и казахскими вассалами.

Особое место И.К. Кирилова и В.Н. Татищева среди оренбургских губернаторов объясняется еще и тем, что оба они известны не только как администраторы, но и как выдающиеся российские ученые. Не исключено, что даже назначение их на должность начальников Оренбуржья во многом было связано с их научной деятельностью: власти полагали, что деятели, зарекомендовавшие себя и как исследователи, и как управленцы, смогут решить одновременно две проблемы — закрепление отношений с казахами как вассалами Российской империи и сбор сведений о них для выработки дальнейшей политики России в Казахстане.

Роль И.К. Кирилова и В.Н. Татищева в истории русско-казахских отношений уже становилась предметом исследования специалистов. Не могли не затронуть этот этап их жизни биографы, не уделив, впрочем, отношениям этих деятелей с казахскими правителями значительного внимания [Иофа, 1949, с. 24–46, 45–46; Корсаков, 1891, с. 340–342; Кузьмин, 1987, с. 171–192; Гомсинов, 2012, с. 29–30]. Имеется и ряд специальных исследований, авторы которых анализируют именно роль Кирилова и Татищева в развитии русско-казахских отношений [Модестов, 1917; Пузанов, 2009; Татищев, 1901; Торопицын, 2009б; 2012а; 2012б]. Рассматривают этот вопрос и авторы работ, посвященных именно взаимоотношениям России и Казахстана [Аполлова, 1960, с. 95–115; Быков, 2003а, с. 22–24, 34–35; Васильев Д.В., 2014б, с. 65–69; Ерофеева, 2007, с. 39–43].

При этом практически все авторы, как представляется, склонны несколько переоценивать и идеализировать значение Кирилова и Та-

тищева в выстраивании отношений российских властей с казахскими правителями. Они высоко (и совершенно обоснованно) оценивают значение научных исследований обоих ученых, проведенных ими за время пребывания в Оренбуржье, и признают большие заслуги в развитии собственно края как административно-территориальной единицы Российской империи. Однако эта же высокая оценка, уже гораздо менее обоснованно, распространяется и на их отношения с казахскими правителями. На наш взгляд, оба деятеля проявили себя в развитии русско-казахских отношений не настолько эффективно, как это принято считать (причем во многом), именно потому, что они были не только администраторами, но и учеными-исследователями.

Своим созданием будущий Оренбургский край в значительной степени обязан инициативе именно И.К. Кирилова, представившего в начале 1734 г. на рассмотрение императрицы и Сената проект о построении города на реке Орь, т.е. будущего Оренбурга. Иван Кириллович Кирилов (1689–1737) к этому времени уже успел завоевать репутацию одного из крупнейших российских ученых. По отзыву первого оренбургского историка П.И. Рычкова (являвшегося его помощником), Кирилов «хотя незнатной природы был, но прилежными своими трудами и острым понятием в канцелярии Правительствующего сената из самых нижних чинов порядочно происходя, еще при жизни высокославной памяти государя императора Петра Великого в чин сенатского секретаря произведен и при разных случаях имел счастье достоинство свое со многим Его Императорского Величества удовольствием засвидетельствовать, а особливо имевшеюся у него натуральною охотою к ландкартам и географическим описаниям» [Рычков, 1896, с. 28]. Не без оснований его считают одним из основоположников российской географической науки и в особенности российской картографии. Уже с 1720 г. он стал заниматься сбором карт, а на рубеже 1720–1730-х годов отвечал за организацию научных экспедиций в восточные регионы Российской империи (вплоть до Камчатки). В 1727 г. он составил «Генеральную карту Российской империи» и завершил труд «Цветущее состояние Всероссийского государства», в котором не только описал географию и (частично) историю регионов, но и дал характеристику реформ Петра I. В 1726–1728 гг. он начал работу над «Атласом Российской империи», т.е. собранием в рамках одного издания всех карт России (первый выпуск был издан в 1734 г.), и продолжал эту работу вплоть до самой смерти, даже будучи начальником Оренбуржья. Кроме того, с 1727 г. И.К. Кирилов занимал должность обер-секретаря Сената, т.е. являлся не только ученым, но и

высокопоставленным чиновником [Иофа, 1949, с. 5–21; Новлянская, 1958, с. 3, 10–19].

Первый проект систематического изучения новоприсоединенных центрально-азиатских владений России (в первую очередь — Казахстана) возник у Кирилова в 1733 г., когда он подал на имя императрицы Анны Иоанновны два проекта — первый об организации экспедиции в Восточную Сибирь вплоть до Камчатки и второй о построении города на реке Орь, который мог бы стать базой для дальнейшего изучения казахов, каракалпаков и среднеазиатских государств, граничащих с Российской империей [Рычков, 1896, с. 8]. Второй проект в начале 1734 г. результативался в труде «Изъяснение о киргис-кайсацкой и каракалпакской ордах», в котором И.К. Кирилов сумел наполнить свой изначально научный замысел практическими соображениями и придать ему актуальность: он ссылаясь на необходимость укрепления отношений с казахами («киргизами») и каракалпаками — новыми подданными России, на просьбу казахского хана Абулхайра о строительстве русского города на Ори, а главное — на возможности использования как нового города, так и казахов для развития торговых отношений со Средней Азией: Ташкентом и Туркестаном, Бухарой и Хивой и даже с Индией. Свои доводы автор «Изъяснения» грамотно подкрепил как сравнительно-историческими экскурсами (создание обширных торговых империй Голландией и Испанией), так и полезными сведениями о самих казахам и каракалпаках [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6571, с. 309–317] (см. также: [Васильев Д.В., 2014б, с. 68]).

1 мая 1734 г. проект получил полное одобрение императрицы, а его автор был назначен начальником вновь организуемой «Известной экспедиции» (вскоре переименованной в Оренбургскую экспедицию), получив при этом чин статского советника. Ему была обеспечена широкая материальная и административная поддержка. Руководителям ближайших губерний и уральских учреждений (в частности, В.Н. Татищеву, руководившему в это время Екатеринбургскими казенными горными заводами) было предписано оказывать экспедиции поддержку деньгами, людьми и необходимыми материалами [Материалы, 1900а, с. 55–80]. А казахским и каракалпакским правителям были направлены императорские грамоты, которыми им предписывалось отныне все контакты с российскими властями осуществлять через И.К. Кирилова [КРО, 1961, № 52–53, с. 116–118; Материалы, 1900а, с. 116–123; Рычков, 1896, с. 14–16]. Впоследствии Татищев прямо заявлял, что экспедиция Кирилова являлась следствием аферы могущественных приближенных Анны Иоанновны — Э.И. Бирона,

А.И. Остермана, князя А.М. Черкасского и А.П. Бестужева-Рюмина, стремившихся получить значительные личные дивиденды от планируемой среднеазиатской торговли России (см.: [Быков, 2003а, с. 22; ИКРИ, 2005, с. 321]). Это заявление выглядит достаточно правдоподобным, поскольку позволяет объяснить и такую широкую поддержку экспедиции и, как мы увидим далее, довольно снисходительное отношение к тому, что основная ее цель — сбор сведений о казахам и каракалпаках и закрепление их в статусе российских подданных — так и не была достигнута.

Широкие возможности по укреплению отношений с казахскими правителями, которое прямо предписывалось И.К. Кирилову в «Инструкции», выданной ему Анной Иоанновной 18 мая 1734 г., в качестве одной из целей Оренбургской экспедиции [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6576, с. 323–330], так и не были реализованы им. Причина тому — как ожидания его вышеупомянутых покровителей, так и собственная позиция по поводу своих задач в Оренбуржье. Дело в том, что И.К. Кирилов, в течение длительного времени занимаясь вопросами географии и картографии, стал мыслить слишком широкими категориями (геополитическими, как сказали бы сегодня), и выстраивание отношений с «кочевыми инородцами» представлялось ему слишком мелким и незначительным делом по сравнению с созданием базы для дальнейшего расширения российских владений в Средней Азии, развитием торговли с Туркестаном, Индией и даже Китаем. Казахи в свете таких обширных замыслов занимали в политике Оренбургской экспедиции совсем незначительное место и рассматривались И.К. Кириловым лишь как дополнительный людской ресурс в рамках развития торговых и политических отношений с центрально-азиатскими государствами. К сожалению, ему удалось убедить в своей правоте и петербургские власти, которые в период руководства Кирилова Оренбургской экспедицией также больше сосредоточивались на перспективах торговли со Средней Азией, а не на развитии уже имеющих в составе России центрально-азиатских регионов (см., напр.: [Смирнов, 2002, с. 16–25]).

Исследователи высоко оценивают роль и значение И.К. Кирилова в развитии отношений России и Казахстана в период его руководства Оренбургской экспедицией (1734–1737). Например, Н.Г. Аполлова относит к числу важных источников по ранней истории русско-казахских отношений его произведение «Цветущее состояние Всероссийского государства» [Аполлова, 1960, с. 6], однако, как уже отмечалось выше, эта работа была завершена в 1727 г. (т.е. еще до принятия каза-

хов в российское подданство), и никаких сведений ни о Казахстане, ни о его отношениях с Россией не содержит.

И.В. Торопицын считает, что «Изъяснение о киргис-кайсацкой и каракалпакской ордах» содержит обстоятельный анализ ситуации в казахских жузах и их отношений с соседними государствами [Торопицын, 2012б, с. 198]. Однако, на наш взгляд, такая оценка необоснованна. Кирилов опирался на сведения А.И. Тевкелева — дипломата, уже с 1730 г. постоянно взаимодействовавшего с казахскими ханами, султанами и родоплеменными предводителями и фактически обеспечившего принятие казахами российского подданства в 1731 г., а после создания Оренбургской экспедиции ставшего помощником самого Кирилова. Однако автор «Изъяснения...» не сумел оценить в полной мере ценность сведений своего сподвижника и довольно схематично охарактеризовал казахские жузы и их правителей. Более того, Кирилов со слишком большим доверием отнесся к утверждениям о горячем желании казахских правителей стать верноподданными Российской империи, в результате его представление о казахских жузах выглядит чересчур радужным:

уже Меньшей Орды Абдулхаир-хан со многою старшиною, которых около 30 000 человек, совершенно в подданство в 731 году приняты... <...> ...большая..., от которой Орды ныне сюда приехали посланцы с прошением, чтоб они приняты были в подданство же ее императорского величества... <...> ...Средняя Орда, в которой Шемяки хан, в ней тысяч двадцать, оные еще в противности стоят и подданство не приняли, однако ж как увидят порядочные с российской стороны поступки с Абдулхаир-ханом и с Большою Ордою, то скоро склонятся к подданству... [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6571, с. 309].

Дальнейшие события показали, что никаких оснований для таких оптимистических прогнозов не было. Сам же И.В. Торопицын замечает, что И.К. Кирилов, уже будучи в Оренбуржье, т.е. имея возможность непосредственно заняться сбором сведений о казахах, тем не менее затребовал от Коллегии иностранных дел всю имеющуюся (довольно скудную, как уже отмечалось выше) информацию о них [Торопицын, 2012б, с. 200]. И в дальнейшем первый начальник Оренбургской экспедиции прямо писал в ту же Коллегию, что считает своей обязанностью собирать о казахах преимущественно сведения об их контактах и войнах с соседними государствами [КРО, 1961, № 55, с. 119]. Такой подход, как мы увидим далее, во многом predetermined фактический провал политики И.К. Кирилова в отношении казахов.

И.В. Ерофеева считает, что у Кирилова установились «доверительные отношения» с Абулхайром [Ерофеева, 2007, с. 298]. Однако анализ документов, отражающих события в Оренбуржье в 1734–1737 гг., позволяют опровергнуть такое утверждение. Прежде всего начальник экспедиции практически не поддерживал отношений с казахскими предводителями, включая и Абулхайра, поскольку большую часть времени проводил не в строящемся им Оренбурге (изначально и предназначенном для проведения встреч с казахскими ханами и султанами), а в Уфе и Самаре. Он полностью передоверил взаимодействие с ними А.И. Тевкелеву (что было, в общем-то, разумно, учитывая опыт последнего в установлении и развитии отношений с казахскими жузами [Ерофеева, 2005, с. 24]) и ограничивался тем, что передавал через него подарки ханам, султанам, родоплеменным предводителям и их посланцам. Причем стоимость этих подарков была настолько высока, что Коллегия иностранных дел специальным указом выразила недовольство И.К. Кирилову слишком большими расходами по данной статье: так, в 1733 г. расходы на поддержание контактов с казахскими правителями составили всего 727 руб., тогда как в 1734 г., т.е. с началом деятельности Оренбургской экспедиции — уже почти 3 600 руб. [Материалы, 1900а, с. 274, 281]. Нес значительные траты Кирилов и в сфере своих основных интересов и устремлений — в торговой деятельности. Так, он отчитывался о торговле с казахскими и среднеазиатскими купцами, организованной им в Оренбурге, признавая, что она пока невыгодна для России, но предлагал и далее вести обмен товаров в пользу приезжих купцов «для приласкания к будущим приездам» [Материалы, 2002, № 158, с. 282]. По-видимому, такой подход он применял в соответствии с указаниями своих покровителей — Бирона, Остермана и князя Черкасского, которые стремились получать собственные доходы от торговли, тогда как потери от невыгодного для России обмена касались государственной казны.

Полагая, что лояльность казахов российской короне гарантируется подобным «награждением» правителей и торговцев, И.К. Кирилов на протяжении почти всего своего пребывания в Оренбуржье не сомневался в их верности и не подозревал в намерениях нарушить свою присягу Российской империи. Хотя в «Инструкции» Анны Иоанновны Кирилову предписывалось всячески пресекать взаимные набеги казахов и других кочевых подданных Российской империи, он за свое правление Оренбуржьем ничего не предпринял в этом направлении, хотя неоднократно получал рапорты от подчиненных о таких набегах, а от Сената — многочисленные предписания активи-

зировать борьбу с ними [Материалы, 1900б, с. 130–150, 151–152, 167, 169–170].

Даже когда в Башкирии в 1735 г. началось новое мощное восстание против российского правления (во многом, кстати, связанное с деятельностью самого И.К. Кирилова — построением им крепостей, захватом башкирских земель, требованием от башкир людей, материалов и скота для дальнейшей строительной деятельности [Аполлова, 1960, с. 99; Иофа, 1949, с. 30; Темиргалиев, 2013, с. 39], он не только отнесся к нему несерьезно, полагая, что несколько единичных показательных расправ заставят восставших явиться с повинной, но даже и не предположил возможности участия казахов в восстании, по-прежнему выказывая намерение задействовать их в развитии торговли России со Средней Азией [Там же, с. 82–83]. Эта опасность была впервые озвучена лишь в июне 1736 г., и то не Кириловым, формально отвечавшим за административный контроль над казахами, а руководством администрации Западной Сибири [Там же, с. 234–241]³!

В какой-то степени на И.К. Кирилова можно возложить вину за участие казахских правителей в башкирском восстании 1735–1739 гг., в частности, за попытки хана Абулхайра установить контроль над башкирами. Полагаем, что во многом это связано с тем, что первый начальник Оренбургского края просто-напросто недооценил казахского хана, не принял во внимание его личных качеств и политических амбиций, которые, собственно, и побудили этого хана первым из казахских правителей принять российское подданство. Исследователи, признавая заслуги этого монарха в установлении и развитии русско-казахских отношений и в какой-то степени идеализируя его, обычно уделяют немного внимания этой причине, хотя сам Абулхайр предельно откровенно объяснял ею свое желание принять русское подданство — и в посланиях имперским властям, и на переговорах с российскими дипломатами [ИКРИ, 2005, с. 69].

Дело в том, что хан Абулхайр, хотя и являлся прямым потомком Чингис-хана и в качестве такового имел все шансы законно занимать ханский трон, он принадлежал к младшей ветви ханского семейства и выдвинулся лишь благодаря своей энергичной деятельности по организации противостояния Джунгарскому нашествию (именно он считается победителем в Аныракайской битве). Как предводитель

³ Впрочем, можно отметить, что подобной оптимистической позиции относительно верности казахов российской короне придерживались и в Петербурге в целом (см.: [Васильев Д.В., 2014б, с. 62]).

объединенных войск в случае войны, он в полной мере устраивал остальных ханов, но как всевластный монарх в мирное время вызывал опасения своими амбициями, поскольку претендовал на власть не только в собственном Младшем жузе, но и над всеми казахскими родами и племенами. Поэтому в течение всего правления Абулхайра (1710—1748) его великодержавным устремлениям активно противодействовали другие влиятельные ханы и султаны Среднего и Младшего жузов, которые, не имея возможности превзойти его в полководческих и административных способностях, приводили единственный, но достаточно убедительный довод против его возвышения над ними: они сами принадлежали к старшей ветви рода казахских ханов, и их прямые предки неоднократно занимали ханский трон, тогда как Абулхайр, будучи младшим в семейной иерархии, стал первым ханом в своем роду [Ерофеева, 2007, с. 121].

Таким образом, как ни парадоксально, но, на наш взгляд, именно личные амбиции хана Абулхайра, его стремление с российской поддержкой укрепить свою власть над казахами, а также передать ее по наследству в собственном семействе и обусловили принятие казахами российского подданства. В течение 1730 — начала 1731 г. Абулхайр вел активную переписку с российскими властями, уверяя их, что не только он сам, но и значительная часть казахов всех трех жузов (Старшего, Среднего и Младшего), а также правители Хивы и Каракалпаки намерены принять российское подданство. Убедившись в серьезности намерений казахского хана, российские власти отправили к нему своего эмиссара — А.И. Тевкелева, татарина по происхождению, опытного дипломата и офицера российской службы, начавшего свою деятельность в качестве переводчика еще при Петре I. Нельзя сказать, что переговорный процесс между Тевкелевым, с одной стороны, и Абулхайром с его сторонниками, с другой — проходил гладко и конструктивно: по сути, это было обсуждение договора с взаимными правами, обязанностями и гарантиями сторон, причем каждая из них старалась обеспечить наилучшие условия в свою пользу.

Неудивительно, что противники Абулхайра старались всячески противодействовать его намерениям, стремились сорвать переговоры с Россией и несколько раз в процессе переговоров противники подчинения России даже намеревались низложить Абулхайра и убить Тевкелева (что подробно описывалось как самим А.И. Тевкелевым в журналах и отчетах о миссии в Казахстан, так и многими исследователями). Тем не менее благодаря лидерским качествам Абулхайра и дипломатическим талантам Тевкелева, сторонникам российского под-

данства удалось не только избежать столь радикальных последствий, но и убедить ряд влиятельных родоплеменных предводителей вслед за ханом Младшего жуза присягнуть на верность России. Большим ударом для российского представителя стало то, что Абулхайр, как выяснилось, отнюдь не представлял позицию большинства казахских ханов, султанов и родоплеменных предводителей — напротив, его намерение принять российское подданство поддерживала относительно небольшая группа единомышленников, тогда как большинство влиятельных казахских правителей совершенно не стремились признавать зависимость от иностранного монарха, который, к тому же, во-первых, был иного вероисповедания, а во-вторых, — женщиной [ИКРИ, 2005, с. 53, 68] (см. также: [Темиргалиев, 2013, с. 59])!

Обязательства, принятые на себя по условиям грамоты и собственной клятвы, Абулхайр выполнял лишь тогда и в той степени, в какой ему это было выгодно. В частности, он «забывал» об уплате ясака, не без иронии извиняясь за это в своих посланиях императрице Анне (см., напр.: [КРО, 1961, № 57, с. 121]; см. также: [Васильев Д.В., 2014б, с. 70]). А главное, он вел вполне самостоятельную внешнюю политику: переговоры с Джунгарским ханством, среднеазиатскими государствами, сам в течение 1730–1740-х годов неоднократно предпринимал попытки стать ханом Башкирии и Хивы, либо возвести на эти троны своих сыновей и других родственников.

Соответственно, в рамках этой своей деятельности, вскоре после начала восстания в Башкирии, в 1736 г. хан Младшего жуза прибыл в Оренбург, чтобы прояснить позицию российских властей в отношении восставших и провести переговоры относительно собственного участия в данной ситуации. Однако Кирилов в это время находился в Самаре, а военный комендант Оренбурга не сумел дать Абулхайру необходимой информации [Попов, 1861, с. 187]. В результате хан, видя, что начальник Оренбуржья не контролирует ситуацию, решил действовать в собственных интересах и вскоре прибыл в Башкирию с намерением провозгласить себя или своего сына ханом башкир. При этом ему не составляло труда убеждать в своих посланиях И.К. Кирилова, что он намерен помочь российским войскам подавить восстание. Кроме того, учитывая интерес начальника экспедиции к развитию торговли, Абулхайр периодически «усыплял его бдительность» предложениями о своем участии в установлении торговых отношений со среднеазиатскими государствами [КРО, 1961, № 62, с. 126; Материалы, 2002, № 116, с. 214–215; Ерофеева, 2007, с. 297, 305]. Его примеру следовали и другие казахские ханы и султаны — в частности, правители

Среднего жуза ханы Семеке и Абулмамбет и султаны Аблай и Борак, которые также претендовали на контроль над Башкирией [Материалы, 2002, № 3, с. 21; № 163, с. 287; № 308, с. 470; № 316, с. 486—487; № 330, с. 525]. Даже в 1736 г., когда башкирское восстание было в самом разгаре, и уже не возникало сомнений в том, что казахи намерены поддерживать их борьбу с русскими властями, И.К. Кирилов продолжал уверять императрицу, Сенат и Коллегию иностранных дел, что казахи верны России, доверяя посланиям их предводителей [Материалы, 1900б, с. 113—114], и намерены помогать ему в развитии торговли со Средней Азией. Любопытно, что, хотя от других представителей оренбургской администрации в Петербург поступали куда менее оптимистические сведения, Анна Иоанновна (вероятно, с подачи Бирона и Остермана) в том же указе, в котором предписывала подавить башкирское восстание, распорядилась продолжить действия по поводу развития торговли с государствами Средней Азии и принятия их «под протекцию» России [Там же, с. 210]. Столкнувшись же с реальной опасностью, И.К. Кирилов проявил полную неспособность к энергичным административным действиям, обращаясь к центральным властям прямо-таки с мольбами о помощи [Там же, с. 95—99]. В результате Анна Иоанновна, номинально оставив Кирилова руководителем кампании по подавлению восстания, специальным указом де-факто возложила руководство ею на А.И. Румянцева и В.Н. Татищева (который с этого времени фактически взял под контроль и отношения с казахами) [Там же, с. 217—218; Пузанов, 2009, с. 60].

Таким образом, можно достаточной степенью уверенности утверждать, что отношения с казахами И.К. Кирилову не только развить, но и поддержать на ранее достигнутом уровне не удалось, поскольку он не имел ни знаний, ни способностей для такой деятельности, ни склонности к ней. Его интересовали глобальные проекты продвижения России в Центральную Азию, а развитие азиатской торговли Российской империи, по-видимому, являлось его *idée fixe*; кроме того, он нередко не выполнял административных обязанностей, жертвуя время на научные изыскания. По всей видимости, сами же руководители центральных властей империи понимали это, поэтому довольно снисходительно относились к его нежеланию и неумению взаимодействовать с казахами и башкирами, перекладывая его обязанности на других представителей местной администрации — А.И. Румянцева, А.И. Тевкелева, Л.Я. Соймонова, В.Н. Татищева (см., напр.: [Материалы, 1900б, с. 77]). Более того, власти даже стимулировали его научные изыскания в ущерб административной деятельности: так, в сентябре

1734 г. (уже во время строительства Оренбурга) ему специальным указом Сената была поручена дальнейшая работа над составлением карт России [Материалы, 1900б, с. 243—245]. Занимался он этой деятельностью даже во время башкирского восстания, которое ему было поручено подавлять: в 1735 г. им была составлена карта Башкирии (правда, не сохранившаяся до нашего времени) [Новлянская, 1958, с. 30]. Безусловно, все это не умаляет заслуг Кирилова в развитии российской науки, а также в строительстве Оренбурга и развитии Оренбургского края в целом (о чем еще в 1780-е годы вспоминал казахский султан Ирали, сын Абулхайра [Материалы, 1940, с. 96]), однако совершенно нет оснований переносить эти заслуги и на развитие русско-казахских отношений, как делали исследователи до сих пор.

И.К. Кирилов являл собой пример «кабинетного ученого», сумевшего благодаря своим научным достижениям добиться и определенного места в сановной иерархии. Несомненно, пост обер-секретаря Сената как нельзя лучше соответствовал его компетентности и образу жизни. Назначение же его начальником Оренбургской экспедиции оказалось ошибочным для властей и роковым для самого ученого: столкнувшись с реалиями «походной жизни», он не смог их выдержать, выполняя одновременно множество обязанностей и беспрестанно переезжая с места на место и, в конце концов, заболел чахоткой, от которой умер в апреле 1737 г. [Модестов, 1917, с. 73]. Невозможно не согласиться с А.Г. Кузьминым, что И.К. Кирилов «воспринимал действительность в радужных тонах, даже если к этому было и не слишком много оснований» [Кузьмин, 1987, с. 242], что в полной мере касается и его отношений с казахскими правителями. Единственное, что его извиняет — искреннее намерение освоить «Новую Россию», как он называл Оренбуржье.

Сменивший И.К. Кирилова Василий Никитич Татищев (1686—1750), известен как ученый, пожалуй, намного больше, чем его предшественник. Вот как характеризовал его один из биографов конца XIX в.:

Математик, естествоиспытатель, горный инженер, географ, этнограф, историк и археолог, лингвист, ученый юрист, политик и публицист, и вместе с тем просвещенный практический деятель и талантливый администратор [Корсаков, 1891, с. 336].

В самом деле труды Татищева, хотя в большинстве своем и не опубликованные при его жизни, сегодня хорошо известны. При этом, в отличие от «теоретика» И.К. Кирилова, он активно совмещал научную

и практическую деятельность, с Уралом был знаком с 1720-х годов и ко времени создания Оренбургской экспедиции занимал должность начальника Екатеринбургских казенных горных заводов. Кстати, и к самой экспедиции В.Н. Татищев был причащен практически с самого начала ее деятельности: на него была возложена обязанность ее финансирования [Материалы, 1900а, с. 55; Лобысевич, 1878, с. 73]. А во время башкирского восстания ему приходилось исправлять ошибки Кирилова, организуя борьбу с восставшими как при помощи собственных заводских рабочих, так и правительственных войск [Витевский, 1889, с. 150–151].

Надо полагать, что и негативное отношение В.Н. Татищева к И.К. Кирилову и его деятельности может объясняться тем, что ему нередко приходилось выполнять работу за первого начальника Оренбургской экспедиции. Отсюда и обвинение Кирилова в связях с Бироном, Остерманом и другими сановниками, известными своим взяточничеством, и перенос Оренбурга, построенного Кириловым, на новое место в 1738 г. Что Татищев решил перенести город на другое место «из личного антагонизма» к Кирилову (см., напр.: [Модестов, 1917, с. 74]), подтверждается тем фактом, что всего несколько лет спустя новый начальник (и первый генерал-губернатор) Оренбургского края И.И. Неплюев, в свою очередь, раскритиковал местоположение, выбранное самим Татищевым, и вновь перенес Оренбург уже на то место, где он располагается сегодня.

Соответственно, свое назначение в качестве преемника И.К. Кирилова во главе Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев воспринял как немилость со стороны императрицы. Чтобы как-то «подсластить пилюлю», ему присвоили чин тайного советника, сохранили за ним и ведение уральскими заводами, а также переименовали Оренбургскую экспедицию в Оренбургскую комиссию [Аполлова, 1960, с. 111; Томсинов, 2012, с. 29]. Переименование, надо полагать, должно было свидетельствовать об превращении учреждения из «околонаучного» и временного в более постоянное и практико-ориентированное.

Татищеву досталось довольно тяжелое наследство. Кирилов, уделяя основное внимание своим глобальным, но практически неосуществимым проектам по политическому и экономическому подчинению Россией Центральной Азии, практически не создал никакой административной инфраструктуры, предоставив своим сподвижникам полную свободу действий при фактическом игнорировании нормативных предписаний. Татищев же во главу угла поставил четкое соблюдение законности, а главным органом управления Оренбуржем сделал ге-

неральный совет, заставив бывших сподвижников Кирилова официально участвовать в выработке решений и нести за них ответственность [Попов, 1861, с. 182; Татищев, 1901, с. 6–7]. В итоге это привело к ухудшению его отношений с представителями как оренбургской, так и уфимской администрации, которые своими доносами спровоцировали смещение Татищева с поста начальника как Оренбургской комиссии, так и горных заводов в начале 1739 г. и следствие по делу о злоупотреблениях, закрытое только в 1741 г.

В.Н. Татищев совершенно иначе, чем И.К. Кирилов, отнесся и к задачам, поставленным перед Оренбургской экспедицией. Если его предшественник полностью сосредоточился на развитии торговли и не уделял внимания развитию связей с казахами, то Татищев повел себя с точностью до наоборот. Номинально следуя директивам императрицы, Бирона и Остермана способствовать развитию торговли со Средней Азией, он ограничился тем, что провел некоторые географические изыскания в Приаралье, где Кирилов намеревался построить торговый порт (сам Татищев считал это преждевременным), а также отправил экспедицию под руководством поручика Миллера в Ташкент (до которого она добралась, подвергшись по пути разграблению со стороны казахов Старшего жуза) [Ерофеева, 2007, с. 302; Торопыцын, 2009б, с. 192; 2012а, с. 179–180].

Зато сбору информации о казахам и развитию контактов с казахскими правителями В.Н. Татищев уделил максимум внимания. Еще будучи начальником горных заводов, в 1736 г., он завел себе большое количество информаторов среди лояльных русским властям башкир, которые информировали его о переговорах своих восставших сородичей с казахскими правителями, получил возможность даже перехватывать послания, которыми обменивались предводители восставших и казахские правители [Материалы, 2002, № 98, с. 180, 182; № 163, с. 287; № 246, с. 407].

Не имея опыта прямых контактов с казахскими правителями, В.Н. Татищев поначалу занял довольно осторожную позицию по отношению к энергичному и амбициозному хану Абулхайру. Он согласился на его предложение помощи в подавлении башкирского восстания, однако, доложив об этом центральным властям, сразу же оговорился, что не доверяет хану и намерен контролировать его деятельность [Там же, № 324, с. 500–501; № 344, с. 543]. Поэтому, как только Абулхайр вновь проявил намерение провозгласить себя башкирским ханом, Татищев сумел быстро найти дипломатические доводы, чтобы удалить его из Башкирии, виртуозно посеяв рознь

между ним и восставшими. В частности, интересен его юридический довод против признания Абулхайра ханом, который он адресовал башкирам: если сейчас они являются свободными подданными российской императрицы, то признание ханом Абулхайра, который также является ее подданным, понизит их статус фактически до крепостных [Там же, № 332, с. 528]. Также Татищеву удалось не восстановить против себя Абулхайра расправой с его башкирскими приверженцами: когда несколько приближенных к хану башкирских родоплеменных вождей были арестованы, начальник Оренбургской комиссии специальным посланием заверил хана, что не имеет никакого отношения к аресту и привлечет офицера, задержавшего башкир, к ответственности (предупредив самого офицера о содержании своего послания). Выждав некоторое время, Татищев через своих информаторов узнал о разногласиях хана с собственными подданными, которые выступали за казнь арестованных бунтовщиков и мир с российскими властями, и приказал тайно казнить башкир [Там же, № 363, с. 566; № 379, с. 586]. В результате Татищев, время от времени получавший довольно резкие оценки своей деятельности из Петербурга по поводу затягивания подавления восстания башкир и неопределенности отношений с казахами, имел все основания сначала сообщить в Петербург о «нейтрализации» хана Абулхайра и даже привлечении его к переговорам с восставшими башкирами в качестве посредника, а вскоре — и о завершении восстания [Там же, № 341, с. 539–541; № 384, с. 595].

В отличие от Кирилова, Татищеву, кажется, удалось найти общий язык с ханом Младшего жуза, о чем свидетельствуют послания, которыми они обменивались. Так, например, начальник Оренбургской комиссии свои послания Абулхайру позиционировал как «секретные» и, естественно, прилагал к ним необходимые подарки. Подобная практика очень импонировала хану, который в ответ благодарил и рассчитывал на ее продолжение, уверяя Татищева в полной своей лояльности. В ответ оренбургский начальник не без доли ехидства отвечал, что до него доходят слухи о переговорах хана с башкирскими бунтовщиками и намерении стать их ханом, но он, Татищев-де им не доверяет, поскольку это не соответствует образу верноподданного, каковым он хана считает [Там же, № 349–351, с. 547–549].

Впрочем, в какой-то момент в 1738 г. в силу стечения обстоятельств (очередной всплеск восстания, уменьшение числа русских войск в Оренбуржье в связи с участием их в русско-турецкой войне) Абулхайр проявил чрезмерную агрессивность, едва не захватив Орен-

бург, заявляя, что имеет право владеть им, поскольку город строился для него и по его просьбе [Витевский, 1889, с. 159; Темиргалиев, 2013, с. 40–41]. Татищеву, получившему от императрицы строгий выговор за то, что он допустил подобное, и на этот раз удалось избежать прямого военного столкновения с ханом, убедив его вернуться в родные степи. Однако теперь он окончательно понял, что Абулхайр признает только силу, и решил действовать соответственно. Во главе крупного воинского соединения и присоединившихся к нему несколько тысяч калмыков он прибыл в Оренбург и потребовал от Абулхайра явиться к нему. Хан опасался подчиниться, поскольку подозревал, что оренбургский начальник намерен покарать его за антироссийские действия, но потом все же подчинился. Правда, при этом он попытался сохранить лицо, заявляя, что ему, лично переписывающемуся с императрицей, являться по приказу какого-то генерала негоже. В.Н. Татищеву через посредство А.И. Тевкелева удалось убедить его в том, что все это делается по приказу самой Анны Иоанновны [Крафт, 1898а, с. 37–38; Левшин, 1996, с. 195].

Итогом встречи стала еще одна присяга Абулхайра на верность России в том же 1738 г. Этот акт стал большим дипломатическим успехом В.Н. Татищева, которому тем самым удалось, с одной стороны, окончательно вывести казахского хана из борьбы в Башкирии, с другой — не пришлось его наказывать за участие в восстании, как следовало бы поступить со взбунтовавшимся подданным, однако чего начальник Оренбургской экспедиции не смог бы осуществить в силу ограниченности возможностей и ресурсов. Повторная присяга фактически аннулировала и первую присягу 1731 г., и соответственно последующие многочисленные ее нарушения со стороны Абулхайра — отношения между ним и российскими властями как бы начинались «с чистого листа». Кстати, именно текст этой присяги стал образцом для последующих, которые приносили другие казахские правители — хан Среднего жуза Абулмамбет, султан Аблай, затем — Нурали (сын и преемник самого Абулхайра) (см.: [Крафт, 1898а, с. 47–48; Материалы, 1960, № 17, с. 37–38]).

Обеспечив относительно спокойные взаимоотношения с Младшим и Средним жузами, В.Н. Татищев начал переговоры и со Старшим жузом, хан которого Жолыбарс также выражал желание принять российское подданство. Внимательно разобравшись в имеющихся материалах о контактах со Старшим жузом, начальник Оренбургской комиссии выяснил, что еще в 1733 г. такое предложение поступало, но от имени группы родоплеменных вождей, а не хана, что не устраива-

ло российские власти [Торопицын, 2012б, с. 199]. Поэтому в Старший жуз была направлена миссия поручика Миллера, которому следовало заручиться желанием самого хана принять подданство Российской империи. Впрочем, миссия оказалась неудачной: как уже отмечалось, караван был разграблен по пути, а вскоре, в 1739 г., был убит и сам хан Жолыбарс, так и не успев присягнуть на верность России [Торопицын, 2012а, с. 178–182]. В результате Старший жуз вошел в состав Российской империи лишь в начале XIX в.

Подобно И.К. Кирилову, В.Н. Татищев находил время и для научной деятельности. К концу его управления в Оренбуржье, в 1739 г., был написан первый том знаменитой «Истории Российской». И если она не имела прямого отношения к его деятельности в крае и отношениям с казахами, то другой его энциклопедический труд — «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский», составленный в 1744–1746 гг., в некоторой степени стал и результатом его взаимодействия с казахами, поскольку в него вошло немало слов казахского происхождения из области бытовой, политической и правовой и даже топонимической лексики [Полякова, 2008].

Однако помимо работы над фундаментальными трудами Татищев интересовался также казахскими легендами и преданиями, историческим прошлым, родословными и проч. Несомненно, работа над знаменитой «Историей Российской», которую он вел как раз в это время, существенно помогала ему в сборе этой информации с точки зрения методологии и систематизации. Ему удалось осознать важность исторических традиций как прецедентов и для выстраивания отношений с современными ему казахами. Так, он внимательно изучил историю прежних контактов казахов с башкирами, в том числе и во время предыдущих восстаний, что позволило ему, в отличие от И.К. Кирилова, осознать опасность объединения башкир и казахов в борьбе с русской властью. В переговорах с башкирами он, напротив, ссылаясь на давние традиции пребывания их в российском подданстве и сопутствующие ему многочисленные преимущества, которых не было у казахов, лишь недавно признавших власть российского монарха [Материалы, 2002, № 330, с. 520–522; № 332, с. 528].

Даже официальные отчеты («журналы») В.Н. Татищевой о взаимоотношениях с казахскими правителями содержат сведения, каких мы не находим в отчетах его современников — А.И. Тевкелева, И.И. Неплюева и др. Он приводит многочисленные сведения о быте казахов, церемониях и ритуалах, принятых при дворе ханов, на официальных приемах и проч., нередко воспроизводит прямую речь (см., напр.:

[История, 2012, с. 9, 45, 72–77]). Не исключено, что подобный подход объясняется и научными интересами Татищева как историка и этнографа, способного не только собрать материал, но и доступно, живым языком изложить его. Однако, на наш взгляд, дело не только в этом: все эти сведения должны были помочь в дальнейшем выстраивании отношений с казахскими предводителями — знание их быта, ритуалов и проч. существенно облегчало нахождение с ними общего языка и способствовало повышению лояльности к российским властям.

Итак, как можно увидеть, его изыскания, в отличие от И.К. Кирилова, носили преимущественно практический характер, и он надеялся, что его знания, полученные в результате взаимодействия с казахами, окажутся востребованными. Так и получилось. Несмотря на неудачное завершение руководства Оренбургской комиссией, В.Н. Татищев в дальнейшем сумел эффективно использовать свой опыт взаимодействия с казахами. Уже будучи астраханским губернатором (1741–1745), он гораздо более решительно контролировал действия других кочевых подданных России — калмыков, ногайцев, кабардинцев (см., напр.: [Торопицын, 2002; 2010; 2011a]). Более того, время от времени он и после отъезда из Оренбуржья получал возможность вновь вступить в контакты с казахскими правителями. Так, в 1743 г. он вместе с новым оренбургским начальником И.И. Неплюевым участвовал в разрешении казахско-калмыцких разногласий [Материалы, 1948, № 14, с. 62–63]. А годом позже, в 1744 г., когда Неплюев запретил казахам торговать где-либо помимо Оренбурга, В.Н. Татищев по итогам переписки с ханом Абулхайром обратился в Коллегию иностранных дел за разрешением торговать казахам и в Астрахани. Причем, еще не получив ответа, уже *de facto* сам такое разрешение дал (впрочем, вскоре положительный ответ из Коллегии был получен) [Торопицын, 2009a, с. 192–193]. Как видим, В.Н. Татищев сумел в какой-то степени реализовать свое намерение насчет более активного взаимодействия с казахами, правда, по иронии судьбы уже тогда, когда непосредственно не отвечал за контроль над казахскими жузами.

Вышесказанное позволяет сделать интересный вывод: несмотря на прямо противоположные взгляды И.К. Кирилова и В.Н. Татищева по поводу отношений с казахами, оба первых оренбургских начальника проводили сходную политику — по выражению И.В. Ерофеевой «созерцательно-выжидательную» [Ерофеева, 2005, с. 27–28]. Причем в случае И.К. Кирилова она объяснялась отсутствием у него интереса к сбору сведений о казахх и взаимодействию с ними, поскольку он был увлечен более глобальными проектами в масштабе всей Цен-

тральной Азии. Тогда как причиной подобной же позиции В.Н. Татищева, скорее всего, было, напротив, стремление собрать как можно больше сведений о новых подданных России, чтобы можно было выстраивать политику отношений с ними более эффективно, однако его неожиданное смещение в начале 1739 г. не позволило осуществить это намерение в полной мере.

Со своей стороны, хан Абулхайр оказался достаточно проницательным и опытным политиком, чтобы осознать значительную степень беспомощности двух первых правителей Оренбургского края и постараться обратить себе на пользу отсутствие у них сведений о политической обстановке в регионе, о политической и правовой системе казахов и особенностях взаимоотношений их правителей. В результате начальники Оренбургской комиссии не имели ни достаточных знаний, ни возможностей реализовывать какую бы то ни было последовательную политику в отношении Казахстана (если бы она у них даже и была разработана): им приходилось оперативно реагировать на очередные действия хана Абулхайра и, по мере возможности, устранять правовыми и административными средствами их негативные последствия для российского контроля не только над Казахстаном, но и над сопредельными регионами Российской империи — Поволжья, Урала и др. Эпоха И.К. Кирилова и В.Н. Татищева, таким образом, положила начало «политике невмешательства» российских властей в казахские дела, продлившейся до конца XVIII в.: руководители региональной администрации не имели четкого плана действий в отношении казахов и лишь реагировали на какие-либо (чаще всего враждебные) действия казахов.

В заключение остается сказать, что сведения о казахах и Казахстане (собранные как самими И.К. Кириловым и В.Н. Татищевым, так и их сподвижниками, А.И. Тевкелевым и П.И. Рычковым) оказались практически невостребованными последующими руководителями Оренбургского края. Это также следует отнести к просчетам российских властей в области подбора чиновников для управления Оренбуржьем и казахскими жузами, поскольку вплоть до первой четверти XIX в. их политика строилась либо по итогам конкретных событий, либо на основе неких стереотипов (например, о том, что казахи являются ревностными мусульманами). Лишь появившиеся в начале XIX в. работы о казахах Я.П. Гавердовского и А.И. Левшина (кстати, также практически не опиравшихся на труды первых оренбургских начальников и их сподвижников) привлекли внимание российских (оренбургских) властей, политика которых в отношении казахов ста-

новится более последовательной, и в структуре управления Оренбургского края появляются специальные чиновники, ответственные за сбор различных сведений о казахах. Нарботки же первых руководителей администрации Оренбургского края оказались практически забыты: например, ценнейшие «журналы» Татищева более 250 лет хранились в архиве, и только в последние годы были введены в оборот и, наконец, опубликованы [История, 2012, с. 15–86]. Таким образом, можно констатировать, что административная деятельность И.К. Кирилова и В.Н. Татищева в отношении казахов вызывала нарекание властей, а их научные достижения по результатам взаимодействия с казахскими жузами оказались неоцененными и невостребованными, что в значительной мере предопределило особенности дальнейшей политики Российской империи в Казахстане.

§ 2. «...Чтобы нам двоим быть в одном согласии»: первый оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев, хан Абулхайр и султан Борак

В полной мере оценив преимущества «политики невмешательства» российских властей в дела казахов, начавшейся при первых двух начальниках Оренбургской комиссии, хан Абулхайр надеялся и в дальнейшем вести себя с представителями Российской империи так же, как и прежде. И надо сказать, события нескольких последующих лет вполне утвердили его в наличии такой возможности. Казалось, какой-то рок преследует начальников Оренбургского края. Так, И.К. Кирилов скоростижно скончался после трех лет управления краем. В.Н. Татищев, пробыв во главе края около двух лет, был отстранен от должности и попал под следствие по делу о взяточничестве и злоупотреблениях. Сменивший его в качестве начальника Оренбургской комиссии князь В.А. Урусов, также пробывший на этой должности около двух лет (1739–1741) практически в течение всего своего правления должен был заниматься ликвидацией последствий башкирского восстания и не успел наладить тесное взаимодействие с казахскими правителями, поскольку, подобно Кирилову, скоростижно умер от цинги. А его преемник, Л.Я. Соймонов, номинально возглавлявший Оренбургскую комиссию с августа 1741 г., фактически даже не успел вступить в должность: по пути в Оренбург он получил распоряжение вернуться в столицу, сдав дела своему преемнику (подробнее см.: [Семенов, Семенова, 1999]).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИКРИ — История Казахстана в русских источниках.
- КРО — Казахско-русские отношения.
- ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.
- ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУз — Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Pochekayev, R. Yu. *Governors and Khans. Personal Factors in Russian Law-Making in Central Asia: 18th to Early 20th Century [Text] / R. Yu. Pochekayev ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2017. — 384 pp. — 300 copies. — ISBN 978-5-7598-1390-3 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-1620-1 (e-book).*

The book studies the influence of personal factors on Russian legislative politics in Central Asia from 18th to early 20th century. The leaders of Russian imperial regional administration as well as the representatives of national elites in Kazakhstan and Central Asia usually played the key role in regional political and legislative development, and their personal likes and dislikes, together with the extent of one's closeness to the imperial court, could determine the politics of a wide range of regions of both the Russian empire and neighbouring states. Personality traits of a representative of either the imperial administration or a national elite could affect to what extent the regional politics corresponded or not to the imperial political and legislative ideology in regard to the region in question. In the framework of political and legislative situation in Kazakhstan and Central Asia, the book examines how Russian imminent statesmen such as V. Tatishchev, I. Neplyuev, M. Speransky, V. Perovsky etc., as well as Kazakh leaders and Central Asian monarchs influenced the imperial legislative politics in Central Asia.

The book is designed for historians of Russian state and law, orientalists, specialists in political science and political anthropology, as well as students in these fields of study.

Научное издание

Почекаев Роман Юлианович

Губернаторы и ханы

Личностный фактор правовой политики

Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в.

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *М.С. Ковалева*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка: *Л.В. Маликина*

Корректор *В.И. Каменева*

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 60×88 1/16

Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 23,3. Уч.-изд. л. 22,5

Тираж 300 экз. Изд. № 2035

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59